

УДК 165

Обоснование эпистемической ответственности субъекта с учетом критики доксистического волюнтаризма как проблема современной эпистемологии

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

Представление о том, что критерий обоснованности убеждений произведен от ответственного выполнения субъектом интеллектуальных обязательств, задаваемых на основе системы эпистемических норм, является теоретическим основополагающим для деонтологической концепции обоснования. Одним из орудий критики этой концепции, имеющей истоки в традициях классической эпистемологии, являются аргументы против доксистического волюнтаризма: демонстрация концептуальной и/или психологической невозможности эффективного контроля доксистических установок подрывает принцип эпистемической ответственности субъекта познания, что делает применение деонтически-оценочных категорий в контексте обоснования убеждений бессмысленным. В статье представлен критический анализ аргументов Б. Уильямса, утверждающего концептуальную невозможность произвольного формирования убеждений в силу их телеологической направленности на истину, и У. Олстона, доказывавшего психологическую неосуществимость прямого контроля над доксистическими установками. Выявляются концептуальные изъяны и апории в развитии этих линий аргументации, числе которых - необоснованное отождествление произвольности с игнорированием индикаторов истинности, редукция убеждений к бивалентным пропозициям, сопряженная с исключением градуальности убежденности, смешение концептуальной и практической невозможности, недооценка косвенного контроля и деривативной ответственности, а также релятивизация принципа диахронической агентности, что в целом демонстрирует редукционистский характер критики, сводящей сложный феномен эпистемической свободы к ложной дихотомии между радикальным произволом и пассивностью субъекта познания. Дана экспозиция альтернативных стратегий реабилитации принципа эпистемической ответственности субъекта: деконструкция радикального волюнтаризма, отрицающая необходимость прямого контроля содержания убеждений для их деонтически-нормативной оценки; компатибилистский подход, выразившийся в развитии концепции руководящего контроля, утверждающей ответственность субъекта исходя из собственности когнитивных механизмов и отзывчивости к разумным основаниям; теория генетической ответственности и косвенного контроля, охватывающая метакогнитивные практики и управление свойствами убеждений; диахронический акцептуализм, акцентирующий ретроспективную рефлексивность и рациональное принятие, сопряженное с

выработкой убеждений надлежащего качества. Каждая стратегия проанализирована с учетом ее эпистемологических импликаций, методологических ограничений и объяснительного потенциала. Обосновывается положение о совместимости эвиденциальной детерминации убеждений с их деонтологической оцениваемостью. Условия комплексной реабилитации принципа эпистемически-нормативной ответственности субъекта за убеждения заключаются в синтетической модели когнитивной агентности, интегрирующей чувствительность к разумным основаниям, метакогнитивный мониторинг и диахроническую коррекцию убеждений. Данная модель предполагает переход от классического волюнтаризма к многоуровневому пониманию познавательной агентности с учетом темпоральных, процессуальных и рефлексивных аспектов процесса формирования и усвоения убеждений и условий культивирования ответственного отношения к ним как к возможным протоэлементам знания.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Обоснование эпистемической ответственности субъекта с учетом критики доксистического волюнтаризма как проблема современной эпистемологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 7А. С. 15-59.

Ключевые слова

Нормативная эпистемология, деонтологическая концепция обоснования, убеждение, знание, этика убеждений, рациональная агентность, интеллектуальные обязательства, эпистемические нормы, доксистический волюнтаризм, контроль над убеждениями, эпистемическая ответственность, компатибилизм, эвиденциальные ограничения, деонтическая оценка.

Введение

Деонтологическая концепция эпистемического обоснования (ДКО) развивается в русле тех теорий классической эпистемологии, которые в качестве конститутивного условия познавательной деятельности рассматривали способность субъекта сообразовывать способы формирования пропозициональных установок с системой нормативных ограничений и усматривали в реализации этой присущей разумному агентству способности принцип *исполнения интеллектуальных обязательств*, утверждая, таким образом, релевантность контексту обоснования убеждений и оправдания притязаний на знание нормативно-деонтических критериев, определяемых через понятия долга, виновности, безупречности, которые получают новую интерпретацию в контексте этики убеждений и приобретают эпистемологически специфицированные значения. В самом общем смысле *деонтологический подход к определению критерия обоснованности предполагает оценку эпистемического достоинства поддерживаемых субъектом убеждений с позиций того, насколько способы их культивирования согласуются с условиями выполнения субъектом познавательного долга* [Alston, 1988; Steup, 2012]. Универсалией в парадигме деонтологического анализа обоснования выступает положение, согласно которому положительный эпистемический статус доксистической установки, т.е. тот статус, который соответствует условиям обращения ее в знание, конституируется не на уровне эвиденциальных факторов - индикаторов вероятной истинности - и не на уровне установления надежности ее генезиса *per se*, а через показатели

ответственного подхода субъекта к формированию и поддержанию собственных убеждений, т.е. через показатели деонтически-перформативного соответствия позиции субъекта и того, как субъект определяет, во что верить и что принимать за истину, комплексу регулятивных предписаний, управляющих интеллигентным культивированием докстических установок. В эпистемико-деонтологической парадигме *критерий обоснованности убеждений произведен от ответственного выполнения субъектом интеллектуальных обязательств, детерминированных системой эпистемических норм*. Таким образом, установление обоснованности требует реконструкции того, что *предписывается, запрещается или дозволяется агенту* на основании деонтической экспликации норм, управляющих докстически-продуктивной активностью в рамках данного регулятивного универсума. С одной стороны, *императивы, запреты и разрешения*, определяющие дисциплину формирования и усвоения убеждений, рассматриваются как регулятивные и оценочные экспликации норм, которые значимы сами по себе, ибо это те нормы, которые положены исходя из понимания природы убеждения (его истинностной телеологии) и статуса разумного существа. С другой стороны, нормативные предписания, относительно которых определяется содержание обязательств, суть не что иное как инструменты оптимизации условий для максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем классе убеждений, ибо правильно реализуемое стремление к этой цели рассматривается как предпосылка прогрессивного роста знания. Базовым критерием обоснованности убеждения, согласно ДКО, выступает, следовательно, *нормативная допустимость и/или деонтическая безупречность*, т.е. *отсутствие нарушения каких-либо интеллектуальных обязательств*, вменяемых субъекту исходя из императивного содержания эпистемических норм, а мера ответственности, установление которой входит в условия оценки безупречности, определяется тем, что разумно вменять субъекту в качестве ожидаемого уровня следования нормативным императивам, учитывая фактическую конфигурацию возможностей, доступных субъекту в условиях определенного класса познавательных ситуации, в которых он может реализовать свой когнитивный потенциал.

Одно из ключевых направлений критики деонтологической концепции обоснования фокусируется на проблеме докстического волюнтаризма — допущения, согласно которому субъект обладает контролем над своими убеждениями, достаточно эффективным, чтобы можно было с полным основанием полагать его ответственным за их формирование и поддержание. Раскрывая условия назначения обязательств и утверждения ответственности субъекта за поддерживаемые им убеждения, У.Олстон апеллирует к принципу «*Debes, ergo potes*», согласно которому требование («должен») предполагает способность и возможность выполнения того, что составляет нормативно определенное содержание обязательств. Если убеждения не поддаются эффективному контролю, то применение деонтологических категорий (обязанность, виновность, безупречность) к ним лишено смысла. Критики (например, Б.Уильямс, У.Олстон) указывают на концептуальную амбивалентность и психологическую (и метафизическую) несостоятельность докстически-волюнтаристических допущений: многие убеждения (например, перцептивные или интуитивные) формируются спонтанно, вне зоны сознательного контроля и произвольного управления, что ставит под сомнение саму возможность применения понятий *долга, ответственности, безупречности* для квалификации позиции субъекта и деонтической оценки его убеждений. Более того, даже косвенный контроль и стратегическое влияние на условия формирования убеждений, как пытается показать Олстон, не гарантирует соответствия убеждений нормам, поскольку когнитивные ресурсы субъекта ограничены, а

эпистемические контексты отличаются вариативностью и изменчивостью, - с учетом ситуативного распределения актуально доступных субъекту возможностей систематически влиять на собственные убеждения, оценка нормативно-процессуальной безупречности субъекта оказывается затруднительной.

Цель данной работы - произвести критический анализ теоретических допущений, которые лежат в основе аргументов против доксистического волюнтаризма, и раскрыть возможности контраргументации и иммунизации деонтологической концепции обоснования от критики, подрывающей принцип эпистемической ответственности субъекта. В задачи настоящей работы входит общая экспозиция эвристических подходов к исследованию комплекса условий и способов реализации эффективного контроля субъекта над доксистическими установками и обоснованию их достаточности для установления ответственности субъекта и применения деонтических критериев оценки его убеждений.

В дискурсе аналитической эпистемологии метафизическое направление критики деонтологической концепции обоснования выразилось в развитии аргументов против доксистического волюнтаризма, которые, как правило, распределяются между двумя классами: один класс включает аргументы, демонстрирующие *концептуальную невозможность* произвольного формирования или выбора убеждений (направление Б. Уильямса), другой класс представлен аргументами, посредством которых доказывается *психологическая невозможность* предопределять содержание собственных убеждений произвольно мотивированным решением (направление У. Олстона).

Аргументы Б. Уильямса для демонстрации концептуальной невозможности произвольного формирования убеждений

Б. Уильямс, опираясь на тезис о телеологии убеждений, согласно которому убеждения по своей природе «нацелены на истину», доказывает, что волюнтаристский подход, предполагающий произвольное решение относительно того, во что верить и какие убеждения поддерживать, является концептуально противоречивым. Уильямс развивает два взаимодополняющих варианта аргументации, один из которых представлен в форме перспективистского аргумента, демонстрирующего концептуальную невозможность произвольно выбирать убеждения, а другой – в форме ретроспективного понимания субъектом генеалогии собственных убеждений.

Перспективистский аргумент (до формирования «убеждения»):

Посылка 1: Убеждение по определению обладают истинностной телеологией, т.е. направлено на истину и предполагает уверенность в истинности некоторого положения.

Посылка 2: Если бы субъект мог формировать убеждения произвольно, он делал бы это независимо от каких-либо соображений относительно их истинности.

Вывод: Намеренное формирование убеждения без учёта вопроса об истинности противоречит природе этой пропозициональной установки. Сознательный выбор убеждения превращает убеждение в нечто иное, так как теряется связь с установкой на истину: «Если бы я в полном сознании мог пожелать приобрести «убеждение» безотносительно его истинности, неясно, мог ли бы я до этого события всерьез считать его убеждением, т.е. чем-то, претендующим на отображение реальности.» [Williams, 1973, с. 148].

Ретроспективистский аргумент (после формирования «убеждения»): Если я сформировал убеждение *P* произвольно, то после акта, находясь в полном сознании, я не могу считать *P*

своим убеждением, «т.е. чем-то, что я принимаю за истину, и одновременно знать, что я приобрёл его по своей воле» [Ibid.].

Обоснование: Чтобы считать *P* убеждением, я должен принимать его за истину. Но если я знаю, что *P* приобретено произвольно, а не через связь с реальностью, т.е. безотносительно к факторам истинности, я не могу одновременно (а) считать *P* истинным, (б) знать, что *P* выбрано произвольно. Это создает логическую несовместимость.

Дилемма (самоликвидация волюнтаризма): Если я успешно формирую убеждение произвольно, я должен забыть / отрицать этот факт, чтобы считать его убеждением. Но тогда я не могу знать о своей способности произвольно определять содержание собственных убеждений, что противоречит исходному условию.

Вывод: Знание о произвольном происхождении убеждения подрывает его статус как убеждения, так как оно больше не воспринимается как реализация телеологически имманентной направленности на истину.

Критика антиволюнтаристских аргументов Б. Уильямса

Как я показал в одной из своих работ [Галухин А.В., 2024, с. 14-20], аргументы Б.Уильямса имеют ряд существенных изъянов и справедливо подвергается критике рядом аналитиков как со стороны логической структуры, так и в части эпистемологических предпосылок и категориальных оснований. Основой для представленной ниже экспозиции основных недостатков этой аргументации служит обобщение результатов критического анализа перспективистского и ретроспективистского аргументов Б.Уильямса, проведенного Н.Ноттельманом [Nottelmann, 2007, с. 107-115] и другими эпистемологами, - в результате этого анализа раскрываются основания для сомнения в том, что аргументы такого рода являются достаточно сильными, чтобы подорвать деонтологически релевантный смысл утверждения ответственности субъекта за свои убеждения.

Во-первых, Уильямс совершает неоправданную редукцию, имплицитно отождествляя волюнтаристский акт, состоящий в решении поверить в некоторое положение, с полным игнорированием вопроса истинностной значимости этого положения, тогда как в реальных познавательных практиках, таких как принятие исходных гипотез или формирование рабочих предположений в условиях неопределенности, произвольный выбор *первоначальной доксистической установки* принципиально совместим с ее последующей рациональной верификацией и алетической ориентацией. Критики (например, Т.Гувье [Govier, 1976, 647]) отмечают, что люди часто формируют убеждения, даже зная о возможности ошибки, но продолжают считать их истинными, - осознание несовершенства механизмов формирования убеждений не отменяет их алетической телеологии. Направленность убеждения на истину реализуется не исключительно в моменте его синхронного генезиса, но в диахроническом процессе критической экспертизы, тестирования и обоснования, что превращает сознательную инициацию в эвристически значимый инструмент познавательного поиска, а не в отрицание истинностной интенции.

Во-вторых, онтологическая схема Уильямса страдает от редукционистского понимания природы убеждения как простой бивалентной пропозиции, при этом Уильямс (1) игнорирует *интенциональные контексты*, допускающие рациональное сосуществование логически эквивалентных, но интенционально различных убеждений (например, «Геспер есть Фосфор» и «Утренняя звезда есть Вечерняя звезда» в состоянии неосведомленности субъекта об их

референциальной идентичности), (2) не учитывает *градуальность убежденности* как неотъемлемого аспекта доксистических состояний в условиях неполной информации и (3) не принимает во внимание феномен *контекстуальной обусловленности* эпистемических норм, т.е. не допускает, что критерии рациональности могут варьироваться между научным, обыденным, этическим или другими дискурсами, что делает его универсалистские требования избыточно жесткими и нереалистичными.

В-третьих, абсолютизация идеала рациональности, выражающаяся в требовании тотальной логической консистентности и непогрешимости, обнаруживает свою методологическую уязвимость: а) в гносеологических основаниях аргументов Уильямса не учитывается эволюционная и фаллибилистская природа человеческого познания, поскольку проблемы, противоречия и доксистические ошибки являются не патологическими аномалиями, а представляют - при условии, что субъект выполняет свой эпистемический долг, то есть не игнорирует проблемы и систематически исправляет ошибки - имманентное условие познавательного прогресса; б) допущения, в системе которых выстраиваются эти аргументы, не предполагают принципиальные *когнитивные ограничения* агента и необходимость функционирования в условиях *радикальной эпистемической неопределенности*; в) аргументация Уильямса редуцирует многомерную рациональность к формально-логическим критериям, исключая герменевтические, абдуктивные и прагматические аспекты принятия убеждений в реальных исследовательских ситуациях.

В-четвертых, как подчеркивает Ноттельман, Уильямс допускает категориальную контаминацию различных типов невозможности: он некорректно смешивает концептуальную невозможность, психологическую невозможность и практическую невозможность [Nottelmann, 2007, pp.110-111]. Уильямс ошибочно предполагает, что логическая несовместимость содержаний убеждений ($\Box\neg(p \ \& \ q)$) влечет невозможность их одновременного сознательного удержания агентом. По утверждению Ноттельмана, «два убеждения не могут быть концептуально или логически несовместимыми в обычном смысле этих терминов. В лучшем случае они могут быть психологически несовместимыми» [Nottelmann, 2007, p. 111]. Сознательное принятие конъюнкции противоречивых утверждений демонстрирует не логическую невозможность убеждения как такового, а лишь доксистическую девиацию, требующую последующей рациональной коррекции в рамках нормативных практик мышления.

В-пятых, ретроспективный аргумент обнаруживает принципиальное игнорирование *диахронической динамики* формирования убеждений и *возможностей рефлексивного контроля*, ошибочно постулируя (1) перманентную детерминацию актуального статуса убеждения его первоначальным (произвольным) генезисом, (2) невозможность последующей *рационализации ex post facto* через процедуры эвиденциального обоснования и (3) отрицание способности агента к метакогнитивной рефлексии над источником и обоснованностью собственной доксистической установки; между тем, в реальных эпистемических практиках, как было замечено выше, даже произвольно принятая гипотеза может трансформироваться в полноценное рациональное убеждение через систематическую верификацию или быть фалисифицированной, что нейтрализует мнимую антиномию между волюнтаристским происхождением и алетическим статусом. Интенция на истину может сохраняться не в форме сиюминутной непогрешимости, а в *диспозиции к ревизии* убеждения под давлением контрсвидетельств даже при его волюнтаристском генезисе; эпистемическая ответственность реализуется не через гарантированную безошибочность, а через процедуры критической рефлексии, коррекции и следования нормам рациональности в диахронической перспективе.

Таким образом, аргументация Уильямса, несмотря на свою логическую строгость, обнаруживает существенные ограничения, обусловленные редукционистской трактовкой реальных эпистемических практик; уязвимость этих аргументов коренится в статичной онтологии убеждения, игнорировании градуальности и контекстуальности доксистических феноменов, неспособности интегрировать временную динамику и рефлексивные механизмы, а также в неоправданной экстраполяции норм формальной логики на эмпирическое функционирование человеческого познания.

Гносеологически-перверсивные следствия волюнтаристического понимания доксистической свободы

Для критиков доксистического волюнтаризма, к разряду которых, наряду с Б. Уильямсом, относится и У.Олстон, доказывавший психологическую невозможность прямого базового контроля и неэффективность косвенных способов регулирования убеждений, методологически исходным является подход, основанный на оперировании концептуальной схемой, которая сводит *свободу выбора убеждений к простому акту произвольного предпочтения* или выбору, основанному исключительно на *желаниях, не связанных с эпистемическими соображениями*. Критика доксистического волюнтаризма выстраивается в парадигме «отрицательного» понимания свободы (выбор, детерминированный желаниями), а волюнтаристическая редукция принципа рациональной агентности сочетается с абстрагированием от нормативных аспектов познавательной деятельности. Но, как показывает Р.Локки, такая редукция приводит к формулированию ложной дилеммы, способной исказить теоретические модели познавательных процессов [Lockie, 2018, с. 55].

Оппоненты доксистического волюнтаризма неявно акцентируют два крайних сценария: в одном сценарии допускается субъективная возможность непосредственного выбора конкретного пропозиционального содержания p , при условии наличия отдельного желания (индуцированного, к примеру, прагматическими стимулами), и во-втором - утверждается полная пассивность субъекта, для которого убеждение детерминировано исключительно информационными потоками о состоянии мира. Оба этих подхода являются неадекватными с эпистемологической точки зрения: первый вариант редуцирует убеждение до не-когнитивного акта, лишённого направленности на поиск истины, тогда как второй отрицает все формы значимой агентности в познавательном процессе, что приводит к недооценке роли рационального самоопределения и деятельной установки субъекта. Локки указывает, что данная дихотомия коренится в устаревшей нео-Юмовской модели «убеждение-желание», заимствованной из дискуссий, связанных с этическим интернализмом и экстернализмом [Lockie, 2018, 53-54]. Перенос традиционной дилеммы («либо детерминированное убеждение, либо произвольный выбор, основанный на желаниях») из области моральной философии в область эпистемологии приводит к абстрактному и неверному изображению процесса познания. Возникает непреодолимая апория, которая указывает на то, что обоснование ответственности субъекта за убеждения в том смысле, который предполагается деонтологической концепцией, оказывается принципиально невозможным, пока не снята следующая дилемма: «либо вы (неэпистемически, некогнитивно) «свободны» сформировать убеждение о мире по той причине, что вы желаете, чтобы он был таким-то и таким-то – и это никакая не *эпистемическая* свобода. Либо вы вынуждены верить так, как вы воспринимаете мир – и это никакая не эпистемическая *свобода*.... Однако в этом и состоит ложная дилемма, порожденная представлением о познании

как о либо пассивной, автоматической, «незамутненной» входной информации, достоверной неприукрашенной копии мира, либо как о частично искаженном, подверженном влиянию желаний, «некогнитивном» вторжении в эту копию или проецировании на нее субъективных произвольных представлений» [Lockie, 2018, 55]. Локки считает, что неявное допущение таких гносеологических диспозиций, которые «игнорируют нашу роль как исследователей, активных искателей истины» [Ibid.,55], является ключевой ошибкой в позиции антиволюнтаристов, поскольку оно несправедливо ограничивает спектр эпистемической свободы, сводя её к двоичной вариативности. Локки предлагает альтернативное понимание интеллектуальной агентности: подлинная эпистемическая свобода не будет выражаться через акт произвольного выбора уже готовых убеждений на выходе, а будет заключаться в активном, целенаправленном и рефлексивном управлении самим процессом исследования, - процесс этот включает в себя не только формулирование вопросов, но и направление внимания, оценку доказательств, взвешивание аргументов, контроль над ходом рассуждения, а также принятие итоговых суждений, основанных на эпистемических причинах. Свобода, которой обладает субъект познания, является *положительной*, поскольку выражается в познавательно направленной активности субъекта, выступающего в роли искателя истины, и представляет собой не просто мнимую возможность к мгновенному волевому выбору пропозиционного содержания р, а отражает комплексную и перманентную способность к познавательной деятельности, которая подлежит контролю и регулированию за счет задействования высших исполнительных функций сознания [Lockie, 2018, с. 56-66].

Между эвиденциальной детерминацией и агентивным участием

Подход Уильямса исходит из того, что конститутивная для убеждений установка на истину в принципе исключает сознательный менеджмент доксистических установок, но это приводит к неоправданной редукции сферы рациональности, которая негативно сказывается на условиях признания агентности, что ставит под вопрос принцип сознательного усвоения и отбора убеждений. Дело в том, что *эвиденциальная детерминация содержания убеждений*, то есть связь их со свидетельствами, это лишь один каузальный вектор в процессе их формирования, другой вектор выражается в *активной позиции субъекта* (и в этом состоит основное положение интернализма), которая может проявляться в управлении вниманием, интерпретации данных, в отборе и оценки свидетельств, что косвенно влияет на формирование убеждений. Даже если убеждения направлены на истину, человек может решать, какие свидетельства учитывать, как их анализировать или какую эпистемическую стратегию выбрать (например, критическое мышление vs. доверие авторитетам).

Аргументы Уильямса выявляют важные противоречия в доксистическом волюнтаризме, но его критика оказывается избыточно строгой. В силу ряда недостатков, таких как редукция убеждений к их пропозициональному содержанию, игнорирование динамики рационального пересмотра и смешение концептуальных и психологических ограничений, аргументация эта не обеспечивает окончательного опровержения совместимости волюнтаристских элементов с концепцией доксистической ответственности. Современные эпистемологи показывают, что доксистический волюнтаризм возможен в ограниченной форме, где доступные субъекту формы *косвенного контроля качества убеждений* не просто сочетаются с ответственностью субъекта за свои убеждения, но являются условиями утверждения этой ответственности в форме

эпистемически-релевантных интеллектуальных обязательств, исполнение которых как раз предполагает сознательное поддержание интенции на истину.

Критика «психологических» аргументов У. Олстона против доксистического волюнтаризма

У. Олстон в своих работах также подвергает систематической критике доксистический волюнтаризм, демонстрируя *психологическую невозможность реализации прямого контроля над содержанием убеждений* [Alston, 1988, с. 263-268], что не требует доказательств в отношении классов убеждений, возникающих непроизвольно, например, через реализацию реактивных диспозиций; наряду с исключением *базисного контроля*, Олстон доказывает также недостаточность для утверждения доксистической ответственности субъекта тех *форм косвенного влияния*, которые мы можем оказывать на процессы формирования убеждений [Alston, 1988, с. 277-283], а также несостоятельность допущения относительно свободы выбирать то, во что верить, перед лицом неотвратимой эвиденциальной детерминации.

Критическое рассмотрение аргументации У.Олстона, направленной на опровержение доксистического волюнтаризма, обнаруживает комплекс системных недостатков и теоретических упущений, которые существенно подрывают его центральный тезис об отсутствии у субъекта сознательного контроля над пропозициональными установками, достаточного для обоснования эпистемической ответственности. Производимый Олстоном анализ проблемы эффективного контроля над убеждениями как условия применимости деонтически-оценочных критериев в контексте их эпистемического обоснования характеризуется выраженной редукционистской тенденцией: доксистический волюнтаризм представлен как позиция, основной смысл которой состоит в допущении способности непосредственного преднамеренного формирования убеждений с предопределенным содержанием (базовый сознательный контроль). Однако, как будет показано в настоящей работе, более дифференцированный анализ выявляет многомерность когнитивного агентства, реализуемого через различные модальности контроля, включая иницилирующие акты, метарефлексивные процедуры и диахроническую регуляцию когнитивных диспозиций.

Предложенные Олстоном верификационные критерии эффективного базового контроля над содержанием убеждений, а именно - способность к произвольному усвоению заведомо контрэвиденциальных убеждений (например, убеждения, что «США – колония Великобритании», - человек, обладающий знанием истории, не может просто поверить в это положение), а также способность усваивать убеждения под воздействием внешних стимулов (демонстрируя отзывчивость к практическим основаниям, таким, например, как денежное вознаграждение), теоретически несостоятельны, методологически некорректны и справедливо подвергаются критике с различных эпистемологических позиций, отражающих альтернативные и взаимодополняющие подходы к разработке проблем этики убеждений в контексте эпистемической деонтологии. Так, например, М. Стиап доказывает, что критерий «отзывчивости на практические основания» (прагматические стимулы), используемый Олстоном для отрицания прямого сознательного контроля над убеждениями, является концептуально ошибочным, методологически произвольным и неприменимым к сфере эпистемически квалифицируемых состояний [Steup, 2012, 483]. Доказывая психологическую невозможность базового контроля над содержанием убеждений, Олстон применяет неадекватный и произвольный критерий контроля (отзывчивость на практические основания),

присущий одной нормативной сфере (прагматической), к принципиально иной сфере - эпистемической. Отрицание контроля над убеждениями, исключительными условиями которого являются отзывчивость к разумным эпистемическим основаниям, например, к классу релевантных свидетельств, которыми располагает субъект, на том основании, что убеждения не удовлетворяют критерию практической отзывчивости - критерию, который на самом деле не является релевантным для этого вида контроля, обусловлено категориальной ошибкой: применения такого критерия игнорирует нормативную автономию сферы, в которой актуализируются условия преобразования докстических установок в знание, и выхолащивают специфику формирующих ее оснований (конститутивных эпистемических оснований). Плюралистическая модель модусов контроля Стиапа предоставляет теоретическую основу для признания специфического эпистемического модуса волевого контроля, который не сводим к практическому контролю и потому не может быть опровергнут аргументами, подобными тем, которые использует Олстон. Критика Олстона, таким образом, не достигает цели, так как концепция контроля, допускающая радикальный волюнтаризм, т.е. способность совершенно произвольно выбирать содержание собственных убеждений, несостоятельность которой доказывает Олстон, неприменима в сфере докстических установок, рассматриваемых исходя из условий обращения убеждений в знание, поскольку обоснование возможности контроля над этими установками требует учета комплексных когнитивных детерминаций и диспозиций реагировать должным образом на эвиденциальные факторы, и не является той концепцией контроля, которую защищают многие деонтологи (косвенный, регулятивный, руководящий контроль).

Дело в том, что использование критериев такого рода необоснованно подменяет анализ нормативных условий эпистемической ответственности требованием реализации радикального волюнтаризма, что индуцирует неоправданно высокий стандарт свободы докстических решений, который не только не выражает необходимого условия утверждения ответственности субъекта, но также не соответствует базовой модели эпистемологически релевантного определения критериев эффективности сознательно-агентивного участия процесса формирования и поддержания рациональных убеждений, со статусом которых связываются притязания на знание. В одной из своих работ, раскрывая гносеологические изъяны критики докстического волюнтаризма, я указал на то, что «полагание человека способным к выполнению интеллектуальных обязательств не подразумевает с логической и метафизической необходимостью допущение возможности усвоения каких-угодно убеждений в силу одного лишь намерения или сознательно-волевого импульса, - отрицательная концепция свободы как абсолютно произвольного выбора не согласуется с предполагаемым в системе эпистемического деонтологизма принципом определения условий возможности познавательно целесообразной оптимизации докстической сферы как той области, в которой эмпирически первичным образом аккумулируется пропозициональное содержание возможного знания» [Галухин, 2024, с.8]. Иными словами, деонтологическая эпистемология предполагает не абсолютный произвол в формировании пропозициональных установок, а нормативно структурированную свободу рационального субъекта, реализуемую через регуляцию познавательных практик в соответствии с эпистемически-нормативными установками, методологическими принципами и операциональными моделями, воплощающими универсалии интерсубъективного опыта. Принципиальное различие между произвольным «выбором убеждений» и эпистемически ответственным формированием пропозициональных установок состоит в том, что последнее конституируется не столько актом свободного выбора, сколько рациональной

восприимчивостью к эвиденциальным основаниям и метакогнитивной способностью к критической оценке эпистемических достоинств докстических состояний. Отвечая на стандартные аргументы против деонтологического подхода в эпистемологии, которые полагают условием утверждения эпистемической ответственности субъекта радикальный докстический волюнтаризм, а потом опровергают эту гипотезу, указывая на неспособность человека произвольно усвоить убеждение или индуцировать в себе состояние убежденности, «действуя» вопреки имеющимся свидетельствам и/или подчиняясь практическому стимулу, Р.Локки замечает: «(i) деонтолог защищает не способность агентов исполнять свои обязанности *думать плохо*, ибо, конечно же, он придерживается позиции, что у них *нет* таких обязанностей; деонтолог защищает способность агентов исполнять свои обязанности *думать хорошо*, и наше право осуждать определенных людей как виновных, которые на самом деле думали плохо, но могли бы думать лучше. И (ii) деонтолог, конечно же, защищает не способность агентов порождать убеждения по *неэпистемическим* причинам (так называемые «внешние основания», по выражению Хиероними). Деонтолог защищает способность агентов исполнять свои *эпистемические обязанности*, которые состоят в том, чтобы *хорошо формировать свои убеждения* (так называемые «конститутивные основания», по Хиероними), а не позволять своим процессам формирования убеждений протекать плохо» [Lockie, 2018, с. 51]. Аргументация Олстона основана на концептуальной ошибке отождествления эпистемической ответственности с радикальным волюнтаризмом, тогда как более адекватное понимание деонтологической модели предполагает признание нормативной структуры познавательной деятельности, совместимой с эвиденциальной детерминацией убеждений при условии сохранения метакогнитивного контроля субъекта над процессами их формирования и оценки.

Критическое рассмотрение аргументации Олстона выявляет ее существенные гносеологические изъяны и методологические ограничения, выражающиеся в абстрагировании от диахронической организации познавательной деятельности, в игнорировании диспозициональных форм контроля, и в неоправданном сужении понятия сознательной регуляции субъектом собственных установок до радикального волюнтаризма, что препятствует адекватному пониманию многомерности когнитивной агентности. Предполагаемая теоретическими основами аргументации Олстона дихотомия «автоматизм когнитивных детерминаций vs. произвольное индуцирование убежденности» не отражает комплексной природы условий формирования убеждений посредством различных когнитивных процессов, в которых феноменологически фиксируемые метарефлективные акты оценки эвиденциальных оснований и диспозиционально-сознательная регуляция направленности внимания, наряду с использованием потенциала механизмов рациональной коррекции докстических установок, являются актологически-эффективными формами проявлениями агентности – сознательной активности субъекта, не редуцируемыми к автоматической реакции на субъективные вероятности. Иными словами, развивая критику докстического волюнтаризма, Олстон опирается на гносеологическую абстракцию, игнорирующую активную роль субъекта в познавательном процессе.

Деонтологическая оценка сохраняет концептуальную значимость даже при отсутствии гарантированного успеха когнитивных проектов, поскольку ключевым элементом эпистемической ответственности выступает обязательство по осуществлению рациональных усилий - выявление связи убеждений с эвиденциальными факторами, систематический поиск контраргументов, ревизия фундаментальных предпосылок, коррекция исследовательских стратегий - и сознательная регуляция процессов поддержания или пересмотра убеждений через

активизацию метакогнитивных процедур, тогда как эпистемическое бездействие в данной сфере представляет собой осознанный выбор, с необходимостью влекущий деонтически-оценочную дисквалификацию субъекта как ответственного агента и критический пересмотр его притязаний на знание. Как покажет дальнейший анализ, условия применимости нормативно-оценочных критериев, используемых в порядке деонтологического обоснования, предполагают не столько полный контроль над конечным результатом познавательного процесса, сколько ответственность за поддержание диспозиций к проявлению отзывчивости к разумным основаниям, культивирование когнитивных добродетелей и исполнение обязанностей, направленных на оптимизацию вероятности достижения истины через косвенный контроль, направленный на обеспечение гарантий формирования убеждений определенного эпистемического качества.

Модель косвенного влияния, рассматриваемая Олстоном («S виновен в p, если p не возникло бы при исполнении обязанностей»), содержит внутренние апории, выражающиеся в чрезмерном детерминизме, игнорирующем возможность конвергентного прихода к p альтернативными рациональными путями, и в необоснованном смещении фокуса оценки с нормативной корректности процесса на каузальный результат, что противоречит сущности деонтологического подхода. Сторонник компатибилистского подхода к решению проблемы эпистемической ответственности справедливо заметил бы, например, что для деонтологического обоснования значение имеет диспозиция реагировать должным образом на эвиденциальные факторы и сообразовывать доксистическую систему с условиями, которые составляют разумную причину для убеждений, а не каузальная уникальность исхода, поскольку эпистемическая нормативность имманентно предполагает комплексную оценку способа формирования убеждения, а не исключительно его соответствия внешней реальности или обусловленность его возникновения внешними по отношению к перспективе субъекта причинами, в классе которых могут быть выделены факторы истинности.

Аргументация Олстона, нацеленная на доказательство эпистемологической несостоятельности деонтологической концепции обоснования, демонстрирует недостаточное понимание интегральной связи между эпистемическими обязанностями и телеологией познания, упуская из виду, что интеллектуальные обязанности (поиск релевантных свидетельств, преодоление когнитивных искажений, критическая проверка предпосылок) представляют собой нормативно-процедурные условия исполнения фундаментальной интенции на достижение истины и что систематическое исполнение таких обязанностей статистически максимизирует вероятность достижения истинного знания в диахронической перспективе, даже если не гарантирует его в каждом конкретном случае. «Обоснованность» в деонтологическом контексте означает не абсолютную гарантию истинности, но нормативную безупречность процесса формирования убеждения, соответствие познавательной деятельности субъекта рациональным стандартам эпистемической практики.

Существенным недостатком аргументации Олстона является игнорирование конститутивной роли деонтических оценок в структуре рациональности, что проявляется в отсутствии адекватного объяснения укоренённости понятий «эпистемический долг», «интеллектуальная недобросовестность», «эпистемическая ответственность» в повседневной и теоретической практике рациональной дискуссии, а также в неспособности объяснить невозможность редукции нормативности убеждений к исключительно инструментальным критериям. Отказ от проекта интеграции деонтологического измерения эпистемических оценок требует убедительного альтернативного объяснения устойчивости нормативных интуиций и практик,

интегрированных в саму ткань рациональной коммуникации и познавательной деятельности. Эпистемическая ответственность функционирует как имманентное свойство рационального агента, чья способность к рефлексивной оценке собственных пропозициональных установок является необходимым условием трансформации субъективной уверенности в объективно обоснованное признание истины и реализуется через метасознательную экспертизу убеждений как потенциальных элементов знания.

Далее мы рассмотрим наиболее влиятельные положительные аргументы, используемые для защиты деонтологической концепции от критики, указывающей на несостоятельность ее докстически-волюнтаристических импликаций, и выделим парадигматические теории, в которых раскрываются основания для полагания, что субъект обладает ресурсами и компетенциями, необходимыми для поддержания докстической дисциплины в рамках принятых деонтически-нормативных ограничений.

Деконструкция понятия преднамеренности: интенциональность докстически-продуктивных актов

Критики докстического волюнтаризма исходя из того, что эффективный контроль субъекта над убеждениями выражается в способности определять, выбирать, формировать и преобразовывать собственные докстические установки, подчиняя их произвольным решениям, которые могут иметь различную мотивацию, т.е. определяться не только эпистемическими, но и прагматическими, моральными или иными соображениями, - это докстически-волюнтаристское допущение интерпретируется в смысле способности субъекта формировать и усваивать убеждения преднамеренно. В посылках аргументов, доказывающих психологическую невозможность преднамеренного усвоения убеждений, используется аналогия убеждений с результатами преднамеренного действия. Таким образом, критики опираются на концепцию интенциональности действия, утверждая, что докстические состояния не могут быть результатом исполнения произвольного намерения, что свидетельствует об отсутствии эффективного контроля.

Формальная структура данного аргумента, ставшего орудием критики докстического волюнтаризма, аргумента, который можно обозначить как «аргумент от преднамеренности», может быть представлена следующим образом:

Посылка 1: Если докстическая установка α находится под добровольным контролем, то α усваивается субъектом в силу одного лишь намерения (желания) иметь α .

Посылка 2: Докстические установки никогда не усваиваются преднамеренно (в силу одного лишь желания).

Заключение: Докстические установки не находятся под добровольным контролем.

Однако защитники более умеренных или изысканных версий теории эффективного контроля над убеждениями, развивают комплексную критику аргумент от преднамеренности [Steup, 2012, с. 476].

М. Стиап оспаривает обе фундаментальные посылки этого аргумента:

1. *Необходимость преднамеренности для волевого контроля:* Является ли наличие предварительного намерения или опыта интенциональности *необходимым* условием для того, чтобы действие считалось находящимся под волевым контролем?

2. *Невозможность преднамеренного формирования убеждений:* Действительно ли убеждения *принципиально* не могут быть сформированы интенционально?

Рассмотрим аргументацию Стиапа, направленная на опровержение аргумента от преднамеренности.

Опровержение первой посылки аргумента от преднамеренности: проблематизация необходимой связи между интенциональностью и контролем

Стиап демонстрирует, что интенциональность в смысле предварительно сформированного намерения не является необходимым условием сознательно-волевого контроля. Для обоснования данного тезиса Стиап апеллирует к феномену автоматических действий, которые, несмотря на отсутствие эксплицитно сформированных предварительных намерений, явно находятся под волевым контролем агента. Приводимые Стиапом примеры автоматических действий (переключение передач при вождении, манипулирование дверной ручкой, откручивание крышки зубной пасты) [Steup, 2012, 479] имеют отличительные характеристики, которые позволяют квалифицировать их как *моменты целенаправленной сознательно контролируемой активности*. Такого рода действия не сопровождаются формированием эксплицитного предварительного намерения, но осуществляются как *компоненты крупных действий*, которые совершаются *преднамеренно и планомерно*, подчиняясь принципу разумной целесообразности, - именно как компоненты интенционального дизайна сознательно осуществляемой деятельности эти автоматические действия находятся под волевым контролем агента (не являются рефлексивными или спонтанными реакциями). Таким образом, анализ автоматических действий позволяет Стиапу продемонстрировать, что интенциональность в смысле *prior intention* не является необходимым условием волевого контроля, что опровергает первую посылку аргумента от преднамеренности.

Критический анализ уточненной версии первой посылки: проблема «интенции в действии» и опыт агентности

Стиап предвосхищает возможный контраргумент противников доксистического волюнтаризма, которые могут утверждать, что автоматические действия обладают особым видом интенциональности, которого лишены доксистические установки, используя для этого различие Сёрля между предварительной интенцией («*prior intention*») и интенцией в действии («*intention in action*»). Согласно этой линии аргументации, хотя автоматические действия не являются реализацией предварительных интенций, они тем не менее демонстрируют интенциональность через присутствие интенции в действии, тогда как убеждения якобы не обладают никаким видом интенциональности. Критерием интенциональности является не предварительное формирование намерения, а феноменологический опыт агентства в процессе осуществления действия.

Стиап противопоставляет данному аргументу тезис о наличии специфической феноменологии агентства в процессе формирования убеждений на основе рациональной оценки свидетельств: когнитивные процессы *формирования и модификации убеждений в ответ на эфиденциальные факторы, составляющие разумные эпистемические основания*, сопровождаются *опытом агентства*, аналогичным опыту, сопровождающему автоматические действия. Если интенциональность автоматических действий действительно заключается в переживании действия или, в более общих терминах, в переживании агентности, то остаётся

загадочным, почему убеждения должны быть лишены аналогичного вида интенциональности. Опыт агентства качественно отличается от феноменологии пассивных состояний (например, непроизвольного подергивания века) или движений, индуцированных внешним вмешательством (например, при электрической стимуляции мозга в экспериментах Пенфилда). Утверждение о том, что убеждения не демонстрируют переживание агентности, равносильно приравниванию формирования убеждений к движению руки в случаях Пенфилда или к другим формам непроизвольного поведения. [Steup, 2012, 478]. Стиап считает крайне неправдоподобным утверждение о том, что феноменология убеждений подобна феноменологии непроизвольного поведения. Непроизвольные действия лишены того, что характерно для наших убеждений: отзывчивости к основаниям. При формировании и отказе от убеждений мы реагируем на основания (доводы, свидетельства), и мы осознаем эту свою реактивность и способность менять убеждения при изменении оснований. Поскольку мы осознаём нашу способность верить по-разному в зависимости от изменения свидетельств, с убеждениями связано переживание собственной активности (агентности) в отношении убеждений, схожее с тем, как мы ощущаем контроль над автоматическими действиями. Именно это переживание агентности, по Стиапу, отличает убеждения от простых непроизвольных актов.

Таким образом, Стиап приходит к заключению, что если сторонники инволюнтаризма пытаются провести различие между автоматическими действиями и убеждениями на том основании, что при совершении автоматических действий актуализируется «интенция в действии» (понимаемая как переживание действия или агентности), но при формировании убеждений такого не происходит, то эта стратегия терпит неудачу. Убеждения демонстрируют такую интенциональность не в меньшей степени, чем автоматические действия, через феномен отзывчивости к основаниям и сопутствующее переживание агентности.

Опровержение второй посылки «аргумента от преднамеренности»: демонстрация возможности интенционального формирования убеждений

Стиап предпринимает также критику второй посылки аргумента от преднамеренности, согласно которой доксистические установки принципиально не могут приниматься интенционально. Для опровержения данного тезиса Стиап конструирует мысленный эксперимент, демонстрирующий возможность интенционального формирования убеждения на основе эпистемических оснований. Рассмотрим сценарий, в котором человек сознательно приходит к убеждению, то есть достигает уверенности на основе разумного признания определенного факта (например, человек приходит к убеждению, что его автомобиль угнали), - агент проходит через следующую эпистемическую траекторию:

(1. Исходное состояние): Агент находится в состоянии эпистемической неопределенности относительно пропозиции *p* («автомобиль угнан»).

(2. Преднамеренное действие): Агент осуществляет оценку релевантных свидетельств (отсутствие автомобиля на предполагаемом месте, наличие парковочного талона).

(3. Сознательное решение, индуцирующее убежденность): На основе оценки свидетельств агент приходит к заключению о достаточности эпистемических оснований для *принятия* пропозиции *p* и *принимает решение* поверить, что *p* истинно.

(4. Реализация решения): В результате данного *решения* агент формирует убеждение в истинности *p* [Steup, 2012, 480-481].

Каузальная связь между решением и формированием убеждения не является девиантной (то есть решение является причиной формирования убеждения стандартным, неаномальным способом). Данный сценарий, согласно Стиапу, демонстрирует структуру интенционального действия, включающую следующие компоненты: исходное состояние неопределенности, делиберативный процесс оценки оснований, формирование решения и его реализация. Убеждение в данном случае приобретает интенционально как результат рационального решения, основанного на эпистемических основаниях, что опровергает вторую посылку «Аргумента от преднамеренности».

Переосмысление понятия интенциональности применительно к доксистическим состояниям

Критика посылок аргумента, основанием которого является представление, что для контролируемого действия или состояния конститутивным является преднамеренная осуществимость или произвольная индуцируемость, отчетливо демонстрирует намерение Стиапа переосмыслить *природу интенциональности применительно к доксистическим состояниям*. Стиап постулирует специфический вид интенциональности - *эпистемическую интенциональность*, для которой характерен ряд специфических атрибутов, по которым ее можно идентифицировать и установить ее различия с иными типами рациональности. Эпистемическая интенциональность:

- не требует предварительно сформированного эксплицитного намерения, аналогично интенциональности автоматических действий;
- сопровождается феноменологией агентства, аналогичной феноменологии, сопровождающей интенциональные действия;
- определяется систематической чувствительностью к эпистемическим основаниям, аналогично чувствительности практических действий к практическим основаниям (положение, которое стало фундаментальным для компатибилистского решения проблемы ответственности, о чем пойдет речь ниже);
- может включать компонент *решения* (в ситуациях эпистемической неопределенности), основанного на оценке эпистемических оснований.

Данная концепция эпистемической интенциональности позволяет Стиапу обосновать специфику доксистического агентства, несводимого к практическому агентству, но обладающего собственной нормативной структурой.

Критика концепции преднамеренного формирования убеждений М. Стиапа

Разработанная Стиапам модель понимания роли интенциональных актов в процессах формирования и усвоении убеждений, которую он использует, развивая критику антиволюнтаристического аргумента от преднамеренности, в ряде своих концептуальных моментов является сомнительной и вызывает серьезные возражения. Наиболее уязвимым местом в концепции Стиапа представляется его интерпретация когнитивного акта, индуцирующего доксистическую установку, посредством использования парадигмы «решения поверить». Такая интерпретация, с одной стороны, порождает категориальную трансгрессию, а с другой - обнаруживает двусмысленность, размывающую различие между волитивными

импульсами и ноэтическими феноменами. В феноменологической перспективе то, что Стиап определяет как «решение поверить», представляет собой не произвольный акт выбора, но принципиально иной модус направленности сознания - момент познавательного признания, в котором сознание, испытывая принудительную силу очевидности, претерпевает изменение отношения к пропозиции и переходит из состояния сомнения в состояние утверждения. Момент признания истинности, сопряженный с возникновением убежденности, характеризуется не произвольностью, свойственной практическим решениям, но переживанием интеллектуальной необходимости. Допустим, Стиап называет «решением» сам процесс рационального вывода; но в итоге его «решение» оказывается тождественным когнитивному заключению, - в результате такой трансформации термин «интенциональность» теряет исходный смысл.

Более строгие критики указали бы в данном случае на смешение причинности и интенциональности: Стиап путает осознание причинно-следственной связи («я пришёл к выводу, основываясь на доказательствах») с преднамеренным действием. Но преднамеренность требует целенаправленности, которой нет в принятии пропозиции, когда рациональный субъект обнаруживает для себя невозможность ее дальнейшего отрицания в свете «неотвратимой» очевидности или достаточной убедительности представленных оснований. Если и можно осмысленно говорить о решении, релевантном для познавательного предприятия, то это решение, которое принимается на другом уровне, а именно – на уровне самоопределения субъекта как рационального агента, который принимает обязательство руководствоваться в оценке своих и чужих убеждений нормативной интенцией на истину, понимая значение этой установки, а из этого обязательства можно вывести комплекс других обязательств, составляющих долг человека как разумного познавателя (например, осуществлять мониторинг собственных когнитивных механизмов и систематически проводить экспертизу результатов их работы; ответственно подходить к формированию эвиденциального фундамента полаганий и корректировать убеждения, гипотезы и теории с учетом получаемых или активно добываемых данных; использовать операции и средства, повышающие вероятность формирования убеждений с высокими показателями обоснованности; выверять и повышать когерентность доксистической системы; развивать познавательные компетенции и культивировать эпистемические добродетели т.д.).

Аналитическая стратегия, в рамках которой Стиап обращается к феномену автоматических действий как модели для интерпретации процесса формирования убеждений, не учитывает принципиального различия между практически-деятельными и познавательными модусами субъективности. Критики могли бы заметить, что формирование убеждения представляет собой не «действие» в смысле волевого акта, направленного на преобразование внешней реальности или модификацию собственного ментального состояния, но особый модус познавательного отношения к миру, в котором субъект не «производит» нечто в акте творения, а претерпевает изменение статуса пропозиции в структуре своего сознания. Понятно, что изменение отношения к пропозиции может быть опосредствовано работой ума и представлять результат целенаправленных интеллектуальных усилий (аналитическим разложением сложных представлений, сравнением свидетельств, оценкой познавательной значимости полученных данных и результатов исследования), но сам момент возникновения убеждения не является «действием» в том смысле, в каком действием является манипулирование физическими объектами или произвольное управление телесными движениями. Включая в свою аргументативную стратегию разработанную Сёрлом концепцию «намерения в действии», Стиап

предпринимает попытку идентифицировать в процессе формирования убеждений специфическое переживание агентности, аналогичное тому, что сопровождает автоматические действия; однако эта теоретическая попытка сталкивается с принципиальной трудностью, проистекающей из качественной несовместимости феноменологических структур физической активности и познавательного действия, что создает фундаментальную двусмысленность в самом понятии «намерения в действии» при его применении к сфере познавательных процессов. Опыт агентности при формировании убеждений представляет собой не феноменологическое переживание «я делаю», характерное для сферы практической направленности, но особую форму активной восприимчивости, в которой субъект деятельно участвует в создании познавательной перспективы, оставаясь при этом принципиально открытым принудительной силе рациональных оснований, что предполагает специфическое взаимодействие активности и пассивности, несводимое к модели волевого акта.

Концептуальное смещение каузальной отзывчивости к основаниям с подлинной интенциональностью действия представляет собой особенно проблемное место в про-компатибилистской аргументации Стиапа. Такое смещение становится особенно очевидным при рассмотрении того факта, что отзывчивость к основаниям в случае работы когнитивных механизмов, функционирующих на основе обработки данных, представляющих вклад внедоксапастических факторов (например, механизмов формирования перцептивных убеждений), может быть полностью детерминистическим процессом, не допускающим какой-либо эксплицитной формы агентного контроля (именно такой сценарий рассматривает Рик Пилс [Peels, 2013, 693-594]. Одна из попыток эксплицировать основания для утверждения агентности в случае процессов этого типа получила выражение в компатибилистской концепции МакКормик [McCormick, 2011], которая будет рассмотрена ниже, другая – в моей работе [Галухин А.В., 2023, «Апории...»]. Наконец, феноменологическая данность переживания агентности при формировании убеждений может быть иллюзорной, точно так же как иллюзорным может быть ощущение контроля над автоматическими процессами, которые в действительности управляются подсознательными механизмами, и поэтому апелляция к субъективному переживанию не может служить надёжным критерием для установления онтологического статуса агентности.

Стиап сталкивается с дилеммой, один рог которой - избыточность волевого решения, а другой – разрыв между каузально-волюнтаристической эффективностью и рационально-эпистемической детерминацией. Раскроем эту дилемму более основательно.

(1) Избыточность волевого *решения поверить* в *р* при наличии достаточных оснований.

Описание ситуаций, в которых субъект собирает и оценивает данные, чтобы определить наиболее вероятную гипотезу объяснения факта, и, наконец, по выражению Стиапа, «решает поверить» в *р*, само по себе страдает неопределенностью и чревато апориями: необходимо допустить, что в момент принятия волевого решения субъект *еще не находится в состоянии убежденности* относительно истинности рассматриваемого положения (иначе акт решения поверить в *р* был бы лишен смысла), но если акт решения поверить в *р* в каком-то (не раскрытом) смысле конститутивен в отношении возникновения убеждения, то это означает, что эвиденциальные факторы сами по себе не достаточны для того, чтобы индуцировать состояние убежденности, и поэтому необходимо «решение». Однако, смысл этой необходимости не раскрывается. Если эвиденциальные основания (Е) для *р* *достаточны* для разумного агента, то убежденность возникает *непосредственно и необходимо* как правильная когнитивная реакция на Е («усвоение под воздействием эвиденциальных факторов»). В этом случае «решение

поверить» либо (а) не происходит вообще (убеждённость возникает спонтанно), либо б) сводится лишь к *пониманию* того, что в свете имеющихся данных наиболее вероятным является один из возможных сценариев и *принятию* того, в чем субъекта убеждают свидетельства, а не к активному волевому акту. *Отсутствие же «решимости» верить в противоречащее свидетельствам ($\sim p$ при E для p) объясняется не способностью решать, а невозможностью для рационального агента когнитивно принять $\sim p$ при E для p .* Таким образом, волевой компонент («решение») оказывается *эпифеноменальным* или даже *иллюзорным* в генезисе убеждённости, - такой акт не выполняет той каузальной роли, которую приписывает ему Стиап.

(2) Разрыв и усиление дихотомии «*волюнтаристическое – эпистемическое*».

Если «решение поверить» трактовать как *подлинный причинный фактор*, отличный от эвиденциальных оснований, то оно должно *самостоятельно* породить убеждённость, но Стиап, поддерживая принцип чувствительности к основаниям, не признает такого радикального волюнтаризма, поскольку понимает, что воля не может создать *когнитивное признание истинности* из ничего. Убеждённость, вызванная *только* волей, без адекватных E , была бы (а) произвольной верой, а не рациональным убеждением, (б) логически оторванной от *истинности* p , которая, согласно позиции некоторых эпистемологов, является конститутивным элементом понятия «убеждение», согласно позиции многих - регулятивной идеей, согласно позицией всех – необходимым условием знания. Таким образом, *разрыв между каузально-волюнтаристическими и рационально-эпистемическими факторами лишь усиливается, но не преодолевается, и это при том, что решение поверить нельзя рассматривать как самостоятельный причинный фактор.*

Стиап должен объяснить, какую именно роль выполняет разумно-волевой акт V в сложном механизме формирования убежденности, т.е. прояснить, в каком смысле V составляет необходимое условие появления убежденности (а не, например, в надежды или предположения), если E изначально не были достаточны для её возникновения без V . Если решение поверить должно компенсировать отсутствие достаточных оснований, то это произвол, который можно оправдать лишь прагматическими соображениями; если основания достаточны, и это признается субъектом, то решение поверить оказывается избыточным. Если познавательные основания действительно достаточны для формирования рационального убеждения, то убеждение должно возникнуть с необходимостью, независимо от какого-либо дополнительного «решения» со стороны субъекта; если же представленные основания недостаточны для формирования убежденности, сопряженной с или вызванной рациональным принятием положения, то никакое волевое решение не может легитимно породить познавательно ответственное убеждение (если решение поверить должно провизионально компенсировать отсутствие достаточных оснований, то это можно было бы оправдать лишь прагматическими соображениями или доводами в духе Паскаля).

При стандартном (некомпатибилистском) истолковании сама теоретическая возможность «решить поверить» на основании представленных свидетельств предполагает, что субъект мог бы, в принципе, с равной легитимностью «решить не верить» при наличии тех же самых свидетельств, что создает прямое противоречие с нормативной природой убеждения как познавательного состояния, сущностно ориентированного на объективность истины. Теоретические предпосылки решения этой дилеммы, последней из тех, который были выделены мною в порядке критического анализа позиции Стиапа, раскрываются в рамках *компатибилистского подхода к решению проблемы ответственности субъекта в условиях детерминистического универсума.*

Моделирование условий возможности деривативно-преднамеренного усвоения убеждений

В одной из своих работ я моделирую систему условий возможности деривативно-преднамеренного усвоения убеждений [Галухин А.В., 2023, «Эпистемологически адекватные условия...», 114-120], но мои демонстрации носят пропедевтический характер, при этом я отхожу от традиционного истолкования убеждения, которое связывает эту пропозициональную установку с уверенностью в истинности некоторого положения, и тематизирую диспозиционно-градуальный характер состояния убежденности, что позволяет определить условия, при которых гипотетическая диспозиция может разрешиться в полную уверенность. Мое решение основывается на конструктивном моделировании условий реализации докстических диспозиций и выделении эпистемически значимых факторов интенсификации состояния убежденности, интегрированных в структуру деятельности, ориентированной на решение конкретных познавательных задач.

(1) *Условие эпистемической осмысленности намерения.* Намерение усвоить предметно определённое убеждение *приобретает эпистемологически адекватный смысл* лишь при условии его имманентной встроенности в *определённый проблемно-тематический горизонт*, где оно функционирует как неотъемлемый элемент мотивационной структуры целенаправленной познавательной деятельности, тем самым трансформируясь из произвольного акта в *интегральный вектор интеллектуального агентства*, направленного на разрешение когнитивной проблемы.

(2) *Гипотетико-диспозициональная природа целевого убеждения.* Предмет намерения – убеждение – должен рассматриваться не как актуальное ментальное состояние, а как *диспозиция с гипотетически предположенным содержанием*, которое конституируется в процессе *проективно-оценочной селекции*, осуществляемой агентом в рамках его проблемного горизонта; при этом данное гипотетическое содержание *обязано обладать достаточным индексом вероятности*, быть *правдоподобным* или *обоснованным prima facie*, что исключает эпистемически безответственный произвол и обеспечивает его предварительную связь с реальностью.

(3) *Редукция намерения и нормативные условия его реализации.* Намерение культивировать данное убеждение редуцируется по своему содержанию к *намерению убедиться в истинности его гипотетического содержания*; это намерение исполняется *эпистемически основательным и методологически правильным образом* тогда и только тогда, когда субъект (а) *выбирает способ разрешения сомнений* (т.е. определяет процедуры верификации/фальсификации) и (б) *ориентируется при этом выборе на стандарты конклюдивной обоснованности или самоочевидности*, гарантируя, что достижение уверенности будет детерминировано и исключительно эпистемическими причинами (объективными свидетельствами, логическими основаниями).

Достоинства предлагаемой мною модели решения состоит в том, что эта модель:

– *снимает возражение Бернарда Уильямса о самопоражаемости волюнтаризма*: Агент не может в полном сознании принять гипотетическое содержание как истинное до его обоснования, а само намерение направлено именно на достижение условий (конклюдивности/самоочевидности), при которых сомнение снимается объективными основаниями, а не волей; знание о *преднамеренности процесса исследования оснований* не подрывает статус итогового убеждения, так как его истинностная ценность обеспечена процедурой;

- *развивает идею интеллектуального агентства Р. Локки*: Активный контроль сосредоточен не на «выборе убеждения», а на *управлении процессом его обоснования*, который включает формулировку гипотезы, оценку её правдоподобия, выбор методов проверки, интерпретацию данных, взвешивание доводов, сопоставление с альтернативными моделями (методологически-операциональные моменты реализации нормативно-эпистемический установок составляют условия осуществления эффективного контроля деятельности, в процессе которой реализуются диспозиции к признанию истинности пропозиций, составляющих предмет предполагаемых убеждений);
- *сохраняет направленность на истину*: требование *prima facie* обоснованности гипотезы и ориентация на конклюдивные стандарты обеспечивают, что процесс управляется *эпистемическими целями*, а не прагматическими или иррациональными мотивами.

Ключевое отличие моей модели от радикального доксистического волюнтаризма состоит в том, что преднамеренность в усвоении убеждений заключается не в непосредственной волевой генерации убеждения, а в *иницировании и нормированном ведении процесса рационального исследования*, кульминацией которого (при успехе) является *непроизвольное* признание истинности содержания в силу его доказанности или самоочевидности.

Предложенной мною аргумент демонстрирует, что преднамеренное усвоение убеждения эпистемологически легитимно и не сводится к концептуально невозможному радикальному доксистическому волюнтаризму тогда, когда:

- намерение формируется *имманентно* познавательной деятельности в её проблемном контексте;
- целевое убеждение конституируется как *гипотетическая диспозиция*, прошедшая фильтр *проективно-оценочной селекции* и обладающая *prima facie* правдоподобием;
- намерение редуцируется к *намерению достичь уверенности через разрешение сомнений*;
- процесс разрешения сомнений осуществляется *ориентированным на стандарты конклюдивной обоснованности или самоочевидности* выбором методов.

Представим также сравнительный анализ подхода Матиаса Стиапа и моей концептуальной модели деривативно-преднамеренного формирования убеждений.

(1) Принципиальное различие заключается в понимании модуса интенциональности, релевантного для эпистемической сферы. Моя модель предлагает радикальное переосмысление самой структуры интенциональности в эпистемическом контексте, замещая парадигму прямой каузации концепцией косвенной процедурной интенциональности. Трансформация понятия интенциональности (преднамеренности), которую предполагает моя концепция, заключается в смещении фокуса с результативного на процессуальный аспект формирования доксистических установок в процессе решения познавательных задач: интенция направлена не на убеждение как таковое, а на управление процедурами его обоснования. В этом аспекте моя модель принципиально отличается от схемы Стиапа, где агент «принимает решение поверить» при наличии достаточных свидетельств, - обоснованная проблематизация непосредственности волевого акта в отношении доксистической установки не разрешается в положительную теорию преднамеренности, поскольку, как было указано выше, сохраняется неопределенность самобытного каузального статуса «решения поверить» в соотношении с таким фактором как проявление чувствительности к основаниям.

(2) Существенное различие наших подходов проявляется в интерпретации феноменологического измерения эпистемического агентства. Стиап, опираясь на концепцию

«интенции в действии» Сёрла, пытается обнаружить в процессе формирования убеждений опыт агентства, аналогичный тому, что сопровождает автоматические действия, встроенные в дизайн целенаправленной деятельности. Такое ход сохраняет феноменологию как критерий интенциональности, но переводит её из сферы предварительного намерения в сферу имманентного переживания активности. В противоположность этому, моя модель рассматривает интенциональность в познании не как феноменологическое переживание, а как структурированную архитектуру эпистемических практик. Интеллектуальное самоопределение реализуется через серию процедурных актов: оценку правдоподобия гипотезы, селекцию методов верификации, интерпретацию данных в соответствии с выбранными эпистемическими стандартами. Эта процедурная интенциональность не требует непрерывного феноменологического сопровождения, её критерием является не переживание, а объективная управляемость познавательным процессом.

(3) В моей модели интенциональность распределяется по всей траектории исследования, тогда как у Стиапа намерение концентрируется в моментальном акте «принятия решения». Это принципиальное расхождение отражает более глубокое различие в понимании самой природы рационального агентства: для Стиапа оно остаётся формой дискретного волевого самоопределения, тогда как в моей концепции оно предстаёт как континуальная структура нормативно-процедурного управления познавательной деятельностью. Стиап пытается удержать момент произвольного решения, встраивая его в контекст рациональной оценки свидетельств: агент «решает поверить» на основании достаточных свидетельств. Однако это решение сохраняет характер мистической каузальности, поскольку остаётся необъяснимым, почему волевой акт необходим при наличии достаточных свидетельств и как именно он порождает доксистическую установку.

Моя модель предлагает более радикальное диалектическое снятие противоречия через концепцию косвенной процедурной интенциональности:

- *момент произвольности* реализуется в требовании, чтобы гипотетическая диспозиция прошла фильтр *prima facie* обоснованности, а также в тезисе, что итоговое убеждение формируется произвольно при достижении конклюдивной обоснованности или самоочевидности;
- *момент агентства* воплощается в интенциональном конструировании условий для возникновения убеждения: выборе методов, определении стандартов обоснованности, формировании интерпретационных рамок.

Таким образом, моя модель достигает более полного диалектического синтеза между активностью и пассивностью, интегрируя их в единую архитектуру эпистемического самоопределения. Принципиальная произвольность конечного принятия убеждения сохраняет его рациональную обусловленность, тогда как интенциональное управление процессом обоснования гарантирует пространство для интеллектуальной автономии.

(4) Преимущество моей концепции косвенной процедурной интенциональности заключается в том, что она предоставляет более прочное основание для атрибуции эпистемической ответственности. В моей модели эпистемическая ответственность встроена в саму структуру преднамеренного усвоения убеждений через систему нормативных фильтров:

- требование *prima facie* обоснованности гипотетической диспозиции исключает произвольное фантазирование или принятие желаемого за действительное;
- ориентация на конклюдивные стандарты при выборе методов верификации гарантирует, что процесс управляется эпистемическими, а не прагматическими целями;

– редукция намерения к достижению условий, при которых сомнение снимается объективными основаниями, а не волей, обеспечивает имманентную связь между интенциональностью и истиной.

Система нормативных фильтров трансформирует саму природу интенциональности в познании, делая её изначально эпистемически ориентированной. В отличие от модели Стиапа, где нормативность остаётся внешней по отношению к волевому акту, в моей концепции она конституирует саму структуру эпистемического агентства.

Компатибилистское решение проблемы эпистемической ответственности: отзывчивость к разумным основаниям и собственность когнитивных механизмов

Особое направление развития аргументации, посредством которой раскрываются основания для утверждения эпистемической ответственности субъекта за усваиваемые и поддерживаемые им убеждения, даже когда содержание последних подчиняется условиям когнитивной детерминации или определяется в результате рациональной селекции и реакции на эвиденциальные факторы, обозначилось в ряде эпистемологических и доксалогических исследований, которые опираются на принципы *компатибилистского подхода* к обоснованию свободы и ответственности в условиях детерминистического универсума. Данный подход представляет собой методологически основательную попытку реабилитации эпистемического деонтологизма посредством компатибилистской переинтерпретации доксистического контроля и пересмотра условий интенциональности применительно к актам, выполняющим определенную каузальную роль в процессах выработки убеждений. Опираясь на аргументы Г.Франкфурта, компатибилисты доказывают, что субъект может нести ответственность за убеждения даже когда он не может «думать иначе», то есть, будучи рациональным, не может быть уверенным в истинности вопреки свидетельствам или доказательствам, а также не может культивировать альтернативные убеждения, оставаясь резистентным по отношению к эвиденциальным факторам и эффектам когнитивной детерминации. Компатибилистский подход переносит из моральной философии в эпистемологию идею о том, что ответственность совместима с отсутствием альтернатив. Критерием наличия волевого контроля в компатибилистской парадигме является не метафизическая возможность альтернативного решения при идентичных каузальных условиях (инкомпатибилистское требование), а наличие определенного типа каузальной детерминации, характеризующегося респонсивностью (чувствительностью) к рациональным основаниям.

Вместо *регулятивного контроля*, предполагающего альтернативные возможности, компатибилисты предлагают модель *руководящего контроля* (контроля над управлением). В компатибилистской модели руководящего контроля выделяются два ключевых условия: условие чувствительности к разумным причинам и условие собственности механизма формирования убеждений. С позиций компатибилизма убеждения являются объектами руководящего контроля, если и только если (1) формирование и поддержание убеждений осуществляются «посредством таких механизмов, которые обладают диспозициональным свойством чувствительности - восприимчивости и реактивности в отношении к тому, что составляет разумную причину и дает адекватное (эпистемическое) основание для убеждений», и (2) «агент распознает в этот механизм как свой собственный, усматривает в нем условия

реализации собственных познавательных способностей и исторически принимает ответственность за продукты его работы (условие собственности механизма формирования убеждений)» [Галухин А.В., 2023, «Апории..», 12]. Именно эти условия - *респонсивность к разумным причинам* (то есть восприимчивость и реактивность в отношении к тому, что составляет разумное основание для убеждений) и *собственность когнитивного механизма*, посредством которого убеждения вырабатываются и закрепляются в сознании субъекта, выражая базовые конститuenty *руководящего контроля*, реализуемого при культивировании доксистических установок, признаются необходимыми и достаточными для утверждения доксистической ответственности: «субъект является эпистемически ответственным за убеждения, если и только если эти убеждения формируются или поддерживаются когнитивными процессами, которые субъект признает как свои собственные, выступая в статусе агента, и которые диспозиционально обладают достаточной чувствительностью – адекватной восприимчивостью и реактивностью в отношении к эпистемическим причинам [McHugh, 2013, 142].

Компатибилистский подход показывает, что ответственность за убеждения, даже в том случае, когда убеждения возникают в силу неотвратимой очевидности, имеющей определенные корреляты в работе когнитивных механизмов, задействованных в формировании убеждений, совместима с их детерминацией комплексом эвиденциально значимых факторов. То, что убеждения формируются под влиянием свидетельств и других факторов, выполняющих роль индикаторов истинности, не отменяет ответственности субъекта, если выполняются условия руководящего контроля, прежде всего – условие чувствительности к такого рода факторам, в классе которых определяются разумные основания для убеждений. Более того, такая детерминация часто является признаком нормально функционирующей когнитивной системы.

Компатибилистский принцип добротной каузальной истории убеждений

Именно компатибилистский подход позволяет М.Стиапу обосновать тезис о наличии волевого контроля над убеждениями, совместимого с психологической невозможностью произвольного формирования убеждений вопреки очевидным свидетельствам. Фундаментальной предпосылкой инволютаристской позиции является эмпирический факт психологической невозможности произвольного формирования убеждений вопреки очевидным свидетельствам (Олстоновский «datum»). Стиап признает фактологическую достоверность данного наблюдения, однако оспаривает его интерпретацию как свидетельства отсутствия волевого контроля над доксистическими состояниями. Метаэпистемологическая стратегия Стиапа заключается в дифференциации модусов волевого контроля и последующей демонстрации того, что психологическая невозможность произвольного формирования убеждений вопреки очевидным свидетельствам не исключает волевого контроля иного типа.

Стиап вводит концептуальное различие между двумя модальностями волевого контроля.

Исполнительный контроль - это способность агента физически реализовать принятое решение, осуществить интендированное действие. Данный модус контроля предполагает каузальную эффективность решения по отношению к физическому действию.

Волеитивный контроль - это способность агента формировать решения относительно совершения действия ϕ или воздержания от него. Данный модус контроля относится к процессу обдумывания и формирования волевого акта [Steup, 2012, 469-470].

Вводя различие типов контроля, Стиап реинтерпретирует Олстоновский «datum» (примеры, используемые для демонстрации психологической невозможности произвольно индуцировать убеждения) не как свидетельство абсолютного отсутствия контроля над убеждениями, а как указание на специфическое ограничение *волеитивного контроля* в определенных познавательных и практических ситуациях. Согласно данной интерпретации, неспособность агента произвольно формировать убеждения вопреки очевидным свидетельствам указывает не на дефицит *исполнительного контроля* (как если бы агент принял решение поверить в определенную пропозицию, но не смог его реализовать), а на психологические ограничения для рационального агента, которые заключаются в том, что он не может просто *заставить себя* поверить в то, что не имеет достаточных оснований, т.е., например, не подкрепляется внутренне согласованным комплексом достаточно сильных свидетельств, которые при определенных условиях могут представляться неопровержимыми.

Методологическим фундаментом реконцептуализации докстического контроля у Стиапа выступает компатибилистская концепция свободы воли, согласно которой рациональная агентность и эпистемическая ответственность совместимы с каузальным детерминизмом когнитивных процессов, посредством которых осуществляется формирование убеждений. Согласно компатибилистской концепции, ответственность агента за состояние или действие не требует метафизической способности к альтернативному действию при идентичных каузальных условиях (контрфактическая возможность, постулируемая инкомпатибилистскими теориями), а предполагает лишь определенный тип каузальной истории формирования данного состояния или действия. Добротная каузальная история состояний или действий определяется тремя условиями [Steup, 2012, 472 -476]:

1. Соответствующее состояние или действие должно быть результатом механизмов, чувствительных к рациональным основаниям.

2. Агент должен обладать адекватным пониманием эпистемической значимости соответствующего состояния или действия.

3. Соответствующее состояние или действие должно быть собственным в том смысле, что агент признает его отражением своей рациональной природы.

Применяя данную компатибилистскую концепцию ответственности к докстическим состояниям, Стиап утверждает, что агенты несут ответственность за свои убеждения в той мере, в какой эти убеждения формируются посредством когнитивных механизмов, чувствительных к разумным основаниям, при наличии адекватного понимания эпистемической значимости данных убеждений и признании их результатами работы когнитивных механизмов, которые субъект признает как свои собственные, интегрированные в структуру его агентности. Экстраполируя компатибилистский подход на проблему докстического контроля, Стиап утверждает, что большинство наших убеждений формируются посредством когнитивных процессов (перцепция, память, рассуждение), которые обнаруживают систематическую респонсивность к разумным эпистемическим основаниям. Данные процессы демонстрируют контрфактическую зависимость от изменения релевантных свидетельств: если бы свидетельства относительно пропозиции p существенно изменились, соответствующее убеждение подверглось бы модификации или было бы замещено иным убеждением.

Ограничение *волевых* контроля в условиях неопровержимых свидетельств рассматривается не как отсутствие контроля как такового, а как специфическая модальность эпистемического агентства, характеризующегося чувствительностью к рациональным основаниям. Согласно компатибилистской концепции, такая чувствительность к эпистемическим основаниям является достаточным условием наличия эффективного контроля над докастическими состояниями, релевантного для деонтологической оценки.

Метатеоретический уровень аргументации: аргумент Стиапа *reductio ad absurdum*

Стратегия, применяемая М. Стиапом для защиты деонтологической концепции обоснования, предполагает также переключение с прямых возражений на аргументы против докастического волюнтаризма на уровень метатеоретической аргументации, в основе которой – презумпция правильности компатибилистской позиции. Показательно в этом плане является демонстрация логико-концептуальной несовместимости докастического инволюнтаризма с компатибилистским истолкованием волевого контроля, принимаемым рядом эпистемологов, включая адептов деонтологической традиции в теории познания.

На этом метатеоретическом уровне аргумент Стиапа имеет форму *reductio ad absurdum*. В порядке развития этого аргумента выявляется амбивалентность одновременного принятия компатибилистской концепции волевого контроля и инволюнтаристской интерпретации докастических процессов, что демонстрирует неизбежность концептуальной трансформации либо компатибилистских оснований, либо инволюнтаристских заключений для достижения теоретической когерентности. Концептуальное ядро аргументативной конструкции Стиапа заключается в экстраполяции компатибилистских критериев волевого контроля на сферу докастических состояний, при этом основная линия рассуждений выстраивается в рамках общей презумпции относительно подобия структуры каузальной детерминации в области действий и в сфере убеждений. Исходным пунктом такой экстраполяции выступает компатибилистически истолковываемое различие между «добротной» и «дефективной» каузальной предысторией действия или решения, - если первая характеризуется отзывчивостью к основаниям, то вторая предполагает, что наши действия и убеждения детерминированы иррациональными, патологическими факторами, элиминирующими подлинное агентство субъекта [Steup, 2012, 473]. В соответствии с компатибилистской парадигмой, наличие добротной каузальной предыстории, определяемой по таким признакам как отзывчивость к основаниям и контрфактическая зависимость от вариативности релевантных эпистемических факторов, является достаточным условием для атрибуции волевого контроля, невзирая на принципиальную каузальную детерминированность как психических, так и физических процессов. При такой интерпретации, ключевым демаркационным критерием между контролируемыми и неконтролируемыми действиями выступает не наличие или отсутствие каузальной необходимости, а специфический модус этой необходимости - конституируется ли она через рациональную отзывчивость к основаниям или через патологические механизмы, элиминирующие рациональную агентность субъекта.

Применяя данный компатибилистский критерий к эпистемической сфере, Стиап предлагает рассмотреть парадигматический случай рационально обоснованного убеждения - например, убеждения субъекта в наличии у него рук, которое, при анализе его каузальной предыстории,

обнаруживает все характеристики «добротной» каузальной детерминации: убеждение с таким содержанием сформировано на основании надежных перцептивных механизмов, характеризуется высокой степенью отзывчивости к потенциальной контрфактической вариативности релевантных эвентуальных факторов (субъект немедленно пересмотрел бы это убеждение при наличии неопровержимых свидетельств, указывающих на утрату конечностей) и, следовательно, в этом случае проявляется тот же тип каузальной структуры, который компатибилисты признают достаточным для атрибуции волевого контроля в сфере действий. Данная экспликация порождает фундаментальную *апорию для гипотетического «компатибилиста-инволюнтариста»*, поскольку позиция его оказывается диспозиционно амбивалентной:

- с одной стороны, в качестве компатибилиста он должен признать, что убеждение «у меня есть руки», обладающее всеми характеристиками «добротной» каузальной предыстории, находится под волевым контролем субъекта согласно собственным компатибилистским критериям;

- с другой стороны, в качестве инволюнтариста он утверждает, что никакие убеждения, включая вышеупомянутое, не могут находиться под волевым контролем субъекта.

Для разрешения этой противоречивой диспозиции и сохранения инволюнтаристской позиции, компатибилист-инволюнтарист вынужден прибегнуть к теоретически неприемлемому ходу- постулировать, что убеждение «у меня есть руки» (равно как и все аналогичные рациональные убеждения, базирующиеся на перцепции, мнемических процессах, интроспективном опыте) фактически обладает «дефективной» каузальной предысторией, то есть детерминировано не рациональной отзывчивостью к основаниям, а некими патологическими механизмами, характерными для деформированной агентности. Именно эта импликация конституирует *reductio ad absurdum* инволюнтаристской позиции в рамках компатибилистской парадигмы: приписывание дефективной каузальной детерминации подавляющему большинству наших нормальных, рационально обоснованных убеждений представляет собой эпистемологически катастрофическую концессию, эквивалентную признанию патологичности всех стандартных когнитивных механизмов, что неизбежно подрывает всю структуру нормативной эпистемологии. Чтобы избежать этого абсурдного следствия, необходимо отказаться от доксистического инволюнтаризма и признать, что убеждения с «добротной» каузальной предысторией (отзывчивые к основаниям, основанные на восприятии и т.д.) находятся под нашим волевым контролем [Steup, 2012, 476]. Таким образом, компатибилизм *сам по себе* ведет к принятию доксистического инволюнтаризма для рационально сформированных убеждений.

Если экстраполиция компатибилистского понимания волевого контроля, принимаемого рядом теоретиков в контексте обсуждения моральной ответственности, на эпистемическую сферу методологически корректно и теоретически обоснованно, то деонтические предикаты ("должен верить", "не следует верить", "эпистемически предосудительно" и т.д.) обретают легитимную область применения, не требуя постулирования метафизически проблематичной способности к произвольному формированию убеждений вопреки очевидности. Компатибилистская версия волюнтаризма демонстрирует, что эпистемическая восприимчивость к свидетельствам не исключает, а, напротив, являет конститутивным условием сознательного контроля над убеждениями.

Рассмотрим еще один пример концептуальной модели, в которой на основе принципов компатибилистского подхода раскрываются условия возможности утверждения ответственности

человека за убеждения, которые индуцируются каким-либо опытом, например, *перцептивным, мнемотическим, интроспективным*, - такие убеждения изначально возникают произвольным образом: пропозициональная установка вырабатывается в результате реализации когнитивных процессов соответствующего типа (я называю их «процессами Ех-типа»), предполагающих недискурсивную обработку данных, получение которых каузально зависимо от вклада внедоксастических факторов (феноменологический анализ показывает, что даже такие произвольно возникающие убеждения охвачены контуром сознания).

Обоснование ответственности за убеждения, формируемые процессами Ех-типа: концепция МакКормик

Мириам МакКормик, опираясь на концепцию «контроля управления» Дж.Фишера, доказывает, что человек может быть ответственным за убеждения, возникающие произвольно (например, через восприятие), если эти убеждения формируются посредством работы когнитивных механизмов, которые он сознательно «присвоил» как часть своего агентства, и если субъект способен производить коррекцию собственных убеждений, учитывая то, как работают формирующие их механизмы, и реагируя должным образом на разумные причины. Доксастическая ответственность требует не прямого сознательно-волевого регулирования убеждений, а признания *собственности процессов и механизмов*, формирующих убеждения, сопряженного с сознанием собственной агентности, и способности *воспринимать* и *реагировать* должным образом на то, что составляет разумные основания для убеждений: «Способность реагировать на причины и владение механизмами — это то, что делает убеждения нашими. Мы принимаем ответственность за них через историческое участие в социальных практиках и саморефлексию» [McCormick, 2011, 173]. Даже если убеждение формируется автоматически (например, через восприятие), ответственность возникает, если субъект (1) интегрировал механизмы восприятия в свою агентскую идентичность (признание собственности механизмов означает принятие ответственности за результаты их работы) и (2) готов корректировать убеждения в ответ на новые данные и с учетом информации, релевантной для установления того, имеют ли убеждения основания. Например, «если человек утверждает, что видел единорога, но позже узнаёт, что находился под действием галлюциногена, его можно критиковать за сохранение этого убеждения. Он должен был учесть новые причины и пересмотреть своё восприятие» [McCormick, 2011, 175]. Автоматические убеждения (например, перцептивные) требуют систематического рефлексивного мониторинга работы порождающих их когнитивных механизмов и распознавания особенностей ситуации. Человек обязан проверять достоверность такого рода убеждений, особенно если возникают сомнения: «Мы ожидаем, что люди будут следить за работой своих когнитивных механизмов. Если восприятие регулярно вводит в заблуждение, то это не снимает ответственности, служит сигналом о необходимости коррекции» [Ibid., 175]. МакКормик признаёт, что ответственность снижается, когда механизмы выходят из-под рефлексивного контроля. Например, «при болезни Альцгеймера человек теряет связь с механизмами памяти, и упреки становятся бессмысленными. Но в непатологических случаях мы вправе ожидать, что убеждения будут согласованы с рациональными суждениями» [McCormick, 2011, 176]. Однако в нормальных условиях отказ от коррекции убеждений - это провалагентства. МакКормик отвергает теории, которые отделяют ответственность от контроля (например, подходы Дэвида Оуэнса, ориентированные на характер агента и его когнитивные

диспозиции). Ответственность требует владения процессами, а не просто наличия эпистемических добродетелей: *«Обвинение человека в расистских убеждениях уместно не потому, что это раскрывает его порочный характер, а потому, что он не использовал свою способность корректировать убеждения в ответ на причины»* [McCormick, 2011, 177].

Таким образом, согласно МакКормик, ответственность за убеждения, которые формируются процессами, ускользающими из локуса сознательного контроля, возникает, если:

(1) убеждения формируются механизмами, которые человек «присвоил» как часть своего агентства;

(2) человек способен корректировать их в ответ на новые причины (даже если само формирование убеждений непроизвольно);

(3) отсутствуют патологические условия, нарушающие рефлексивный контроль.

Таким образом, даже непроизвольные убеждения становятся объектом ответственности, если человек участвует в их рациональном поддержании и коррекции.

Недостатки компатибилистского подхода к проблеме эпистемической ответственности

В ряде работ современных эпистемологов [Robitzsch, 2019, 24-26; Peels, 2013], (включая работу автора этой статьи [Галухин А.В., 2023, «Апории..», 5-32]), производится критически анализ компатибилистского решения проблемы доксистической ответственности и раскрываются методологические апории, с которыми сталкивается применение этого подхода. С одной стороны, концепция руководящего контроля, опирающаяся на условие чувствительности к эпистемическим причинам, призвана гарантировать соответствие убеждений нормативным стандартам через их детерминацию разумными основаниями. С другой стороны, операционализация этой чувствительности неизбежно колеблется между полюсами механистической редукции и гипертрофированной рефлексивности: интерпретация чувствительности как сугубо функционального свойства когнитивных процессов (например, надежной реактивности на эвиденциальные стимулы в процессах Ех-типа, типовой пример которых - это формирование убеждения на основе перцептивного опыта) элиминирует каузальную роль сознательного признания оснований агентом, нивелируя его ответственность, что эффективно демонстрирует разобранный ниже аргумент Р. Пилса, тогда как требование эксплицитного пропозиционального признания оснований (через суждения высшего порядка) делает несостоятельной ответственность за убеждения, генерируемые спонтанно (перцептивные, мнемические), ибо их формирование ускользает от синхронического рефлексивного управления. Данная апория обретает особую остроту применительно к процессам Ех-типа – процессам формирования убеждений на основе работы когнитивных механизмов, функционирующих на основе вклада внедоксистических факторов (восприятие, интуиция). В специальном исследовании [Галухин А.В., 2023, «Апории..», 20-27] я предложил, что возможный способ разрешения этой апории заключается в определенном направлении развития идеи диспозиционального контроля, которое предполагает инкорпорацию эвиденциальных регуляторов в феноменологический горизонт сознания, а в числе таких регуляторов - диспозиция адекватно реагировать на дефиторы (факторы, подрывающие основания для убеждений).

Еще одна апория (обнаруживающая проблему методологического плана), с которой сталкивается компатибилизм, связана с дилеммой контрфактической чувствительности: с одной

стороны, для утверждения ответственности субъекта обосновывается значимость *сильных критериев* (требующих адекватной реактивности во всех возможных мирах, включая экзотические сценарии типа «Потемкинских деревень»), что в предельных случаях ведет к отрицанию реализуемости условий определения меры ответственности субъекта; с другой стороны, доказываемая оптимальность *слабых критериев* (предполагающих ограничения спектра релевантных ситуаций, в которых должна проявляться респонсивность к основаниям), а применение этих критериев предполагает релятивизацию *контроля управления*, которая в пределе может подорвать его деонтологическую достаточность. Парадокс синхронического контроля заключается в том, что дорефлективные регуляторы (имплицитное распознавание дефицитаров) обеспечивают лишь квази-агентную управляемость, не удовлетворяющую условию исторического принятия ответственности («собственности механизма»), ибо архитектура процессов остается имплицитной и ситуативно-зависимой. Таким образом, основная апория компатибилизма заключается в тех теоретических трудностях, которые возникают при разработке теоретической модели, которая позволила бы непротиворечиво синтезировать нормативность эпистемического должностования, предполагающую сознательное руководство основаниями, с метафизикой когнитивной спонтанности, ограничивающей возможности сознательного агентного вмешательства.

В развитии критики компатибилистского решения проблемы эпистемической ответственности субъекта особую значимость приобретает аргумент Рика Пилса, направленный против попыток обоснования эпистемической ответственности субъекта за убеждения исключительно через демонстрацию эффективности руководящего контроля [Peels, 2013], базовым условием которого является отзывчивость когнитивных механизмов на разумные основания. Пилс демонстрирует концептуальную недостаточность компатибилистского подхода через мысленный эксперимент, эксплицирующий необходимость различения между реактивностью механизмов и подлинной агентной компетенцией. Ключевым методологическим инструментом в аргументации Пилса выступает контрфактический сценарий, основу которого составляет допущение принципиальной возможности существования когнитивных систем, обладающих максимальной эвиденциальной реактивностью при полном отсутствии агентного влияния на процессы формирования убеждений. Пилс предлагает вообразить существ, чьи когнитивные механизмы функционально изоморфны человеческим в аспекте генерации убеждений на идентичных перцептивных и концептуальных входах; такие механизмы обладают идеальной чувствительностью к факторам, которые для нормального рационального агента составляют разумные причины убеждений: при изменении эвиденциальной ситуации их убеждения мгновенно изменяются в соответствии с новыми данными (например, переход от вкусового ощущения «сладкое» к «горькое» автоматически индуцирует соответствующее убеждение); принципиальное же отличие заключается в том, что существо, усваивающее доксастические установки, вырабатываемые такими когнитивными механизмами, лишено любой формы агентной интенциональности в отношении всего, что может так или иначе оказать влияние на эпистемическое качество убеждений, а именно – в отношении активного сбора свидетельств, формирования интеллектуальных добродетелей и искоренения когнитивных предубеждений, а также в отношении модификации параметров работы собственных когнитивных механизмов, задействованных в процессах формирования различных типов убеждений [Peels, 2013, 693-594]. В таком контексте, несмотря на парадигматическую корректность процессов генерации убеждений, т.е. несмотря на выполнение ключевого условия

руководящего контроля - чувствительности к разумным основаниям, интуитивно неправильно было бы полагать такие существа в деонтологически достаточной мере ответственными за свои убеждения. Причина этого заключается в том, что ни функционирование их когнитивных механизмов, ни структура и объем их эвиденциальной базы не являются объектами, *находящимися под их контролем*. Следовательно, и результирующие убеждения не могут рассматриваться как продукты их агентности (сознательной реализации компетентного и ответственного подхода), а лишь как каузальные выходы автономных процессов, что делает признание эпистемической ответственности субъекта безосновательным, а деонтические оценки убеждений irrelevantными с точки зрения деонтологического интернализма в теории обоснования.

На основании этого мысленного эксперимента Пилс формулирует дилемму для компатибилизма:

- либо имеются достаточные основания, чтобы признать, что отзывчивость в отношении к основаниям сама по себе является достаточной для утверждения ответственности, но тогда гипотетические существа должны признаваться ответственными за убеждения, которые непосредственно возникают на основе автономной работы когнитивных механизмов, что интуитивно неправильно;
- либо следует признать, что ответственность в реальных ситуациях проистекает не из реактивности в отношении к основаниям, встроенной в когнитивные механизмы, а из скрытых предпосылок агентного контроля над факторами, опосредующими формирование убеждений.

Пилс однозначно выбирает вторую ветвь дилеммы, утверждая, что правдоподобие компатибилистских примеров (например, субъект, намеренно собирающий данные для проверки гипотезы) обусловлено не их реактивностью, а наличием косвенного контроля над предусловиями формирования убеждений. Парадигматическими примерами таких условий являются селективное внимание к определенным категориям свидетельств, культивирование интеллектуальных добродетелей (открытости, рефлексивности, скептицизма), стратегическое управление информационной средой (выбор источников, экспертов, сообществ), длительная коррекция и калибровка когнитивных механизмов через обучение и систематическую практику.

Именно эти предварительные интенциональные действия, а не имманентная чувствительность убеждений к основаниям, составляют, по Пилсу, подлинное основание для утверждения ответственности субъекта за те убеждения, которые он усваивает и поддерживает. Следовательно, компатибилистские концепции Ш.Райан, М.Стиапа, МакКормик и МакХью не опровергают аргумент Олстона об отсутствии прямого контроля над убеждениями, а лишь смещают фокус на косвенную ответственность за поддерживающие условия. Но реализация такого подхода, однако, представляет собой иную стратегию ответа Олстону, отрицающую импликацию «если отсутствует прямой докастический контроль, то отсутствуют основания для утверждения ответственности», но не подтверждающую адекватность компатибилистского контроля как такового.

Несмотря на наличие этих и других потенциальных проблем, связанных с деонтологической асимметрией, градуальностью контроля, природой эпистемических обязательств и источником эпистемической нормативности, компатибилистский подход представляется перспективным направлением развития эпистемической деонтологии. Преимущества компатибилистского подхода, включающие методологическую экономность, интеграцию эмпирических данных,

концептуальную когерентность, нормативную релевантность и феноменологическую адекватность, делают его влиятельной альтернативой как инволюнтаристским, так и инкомпатибилистским волюнтаристским подходам.

Иррелевантность критики радикального доксистического волюнтаризма: от прямого контроля над содержанием к косвенному контролю качества убеждений

Одна из основных линий защиты деонтологической концепции обозначилась в последовательном опровержении представления о том, что доксистический волюнтаризм, *предполагая способность субъекта произвольно решать для себя, во что верить*, имплицитно признает возможность осуществления *прямого контроля над содержанием убеждений*, и что именно способность выбора между перспективой усваивать такие убеждения, к которым предрасполагают эвиденциальные факторы, и *перспективой думать по-иному*, т.е. независимо от свидетельств истинности, составляет основное условие признания субъекта *доксистически ответственным агентом*, к которому можно было обоснованно предъявлять требования, которые выражают эпистемико-деонтологические стандарты культивирования убеждений. Утверждение Б.Уильямса о концептуальной противоречивости добровольного формирования убеждений (вследствие их «нацеленности на истину»), как и демонстрация У.Олстоном психологической невозможности прямого базового контроля над содержанием убеждений, *не подрывают основания утверждения ответственности субъекта за поддерживаемые убеждения*, ибо область того, что разумно было бы ожидать от субъекта и сообразно чему определяется объем вменяемых ему интеллектуальных обязательств, *не предполагает наличие способности произвольного выбора содержания убеждений или способности целенаправленно трансформировать когнитивные механизмы или аранжировать систему эвиденциальных данных*, чтобы гарантированно прийти к убеждениям с предопределенным предметным содержанием. Деонтологи не утверждают, что для того, чтобы полагать субъекта в деонтически релевантном смысле ответственным за культивирования убеждений, необходимо допустить, что субъект может формировать убеждения вопреки эвиденциальным факторам. Вместо этого деонтологическая парадигма фокусируется на метаэпистемологическом измерении, в котором локализованы нормативные аспекты когнитивной деятельности субъекта. В данном контексте акцентируется не прямой контроль над генезисом убеждений *per se*, а *рефлексивная модальность отношения к собственным доксистическим состояниям, их телеологическая ориентация на эпистемические идеалы обоснованности, а также соответствие intersubъективно верифицируемым критериям рациональной приемлемости*. Ответственность возникает не из свободы выбора, а из способности следовать нормам. Как показывает анализ компатибилистских концепций ответственности, даже если убеждение формируется спонтанно, субъект обязан осуществлять мониторинг работы когнитивных механизмов, ответственных за его формирование убеждений этого типа, проверять эвиденциальную базу и корректировать собственные доксистические установки при выявлении факторов, подрывающих основания для убеждений, обнаружении фальсификаторов, указывающих на ошибочность последних, и раскрытии несоответствий в доксистической системе.

В ряде исследований по проблемам эпистемического деонтологизма и доксистической ответственности в качестве объекта сознательного контроля выделяется именно

эпистемическое *качество* убеждений, их соответствие стандартам рациональной связности (например, когерентность), а также соответствие их нормам, выражающими требование базированности убеждений на адекватных эвиденциальных основаниях; в число нормативных ограничений может входить и условие когнитивно-функциональной надежности доксистически-продуктивных процессов (субъект ответственен за убеждения, если когнитивные процессы, посредством которых они вырабатываются, транспарентны, поддаются реконструкции и определенному регулированию). *Выделяя различные формы и модусы косвенного контроля доксистических установок, направленного на обеспечение условий формирования убеждений, обладающих нормативно заданными качествами, способствующими обращению убеждений в знание, некоторые эпистемологи обосновывают положение, что именно такие формы и модусы контроля являются достаточными для установления ответственности субъекта и адекватными с точки зрения условий деонтологического обоснования.*

Ключевым аргументом в пользу деонтологической релевантности косвенного доксистического контроля является апелляция к *принципу трансляции ответственности*, согласно которому субъект несет ответственность за последствия своих действий или бездействий, если эти последствия были предсказуемыми и могли быть предотвращены. Применительно к доксистической сфере данный принцип может быть сформулирован следующим образом: субъект несет ответственность за убеждения, если эти убеждения являются результатом практик или их отсутствия, которые находятся под его контролем. Парадигматически общими для ряда концепций косвенного контроля являются следующие положения:

(1) Принцип разделения уровней контроля - различие непосредственного контроля над содержанием убеждений (контроль первого порядка) и контроля над процессами формирования убеждений (контроль второго порядка).

(2) Принцип когнитивной экологии - признание того, что формирование убеждений происходит в контексте эпистемической среды, элементы которой могут быть объектами косвенного контроля.

(3) Принцип эпистемического характера - концепция, согласно которой субъект формирует устойчивые эпистемические диспозиции и добродетели, влияющие на процессы формирования убеждений.

(4) Принцип процедурной рациональности - понимание рациональности не только как свойства убеждений, но и как характеристики процедур их формирования.

Эпистемологическая релевантность и деонтологическая адекватность косвенного контроля эпистемических качеств убеждений

Критика У.Олстона и других, основанная на невозможности прямого контроля, нейтрализуется указанием на значимость косвенного контроля, который может быть обращен как на качества, так и на содержание убеждений. По замечанию Р.Ауди, «для понимания этики убеждений, однако, важно понимать, что косвенного контроля над формированием убеждений, даже просто косвенного негативного контроля, достаточно для обоснования доксистической ответственности» [Audi, 2008, 405]. Отвергая возможность прямого волевого контроля над

убеждениями, Ауди актуализирует концепцию косвенной ответственности, которая реализуется через управление условиями их формирования: субъект обязан избегать ненадежных источников информации, концентрироваться на критическом рассмотрении доказательства и систематически рефлексировать над основаниями своих убеждений. Пренебрежение базовыми нормами, императивно задающими спектр диспозиций к такого рода действиям, расценивается как нарушение процессуальной безупречности, даже если результат, т.е. пропозициональная установка, удовлетворяет условию логической или фактуальной истинности [Audi, 2008, 404]. В то время как прямой волюнтаристский контроль (способность произвольно выбирать убеждения) действительно недоступен субъекту, косвенный контроль предоставляет широкий спектр возможностей для эффективного эпистемического менеджмента доксистических установок.

Формы косвенного контроля доксистических установок в парадигме генетической ответственности

Допущение косвенной контролируемости убеждений позволяет ввести в деонтологический дискурс понятие *генетической ответственности*, которая подразумевает критическую оценку оснований убеждений, выявляемых посредством экспликации архитектоники когнитивно—операциональных процессов, которыми субъект может в той или иной степени управлять.

Понятие генетической ответственности имеет существенные методологические следствия.

Во-первых, оно смещает фокус эпистемического анализа с результативного аспекта (обладает ли субъект истинным/обоснованным убеждением) на процессуальный (соблюдены ли надлежащие процедуры его формирования).

Во-вторых, это понятие интегрирует диахронический подход в оценку эпистемического статуса убеждений, поскольку генетическая ответственность по определению охватывает всю темпоральную протяженность доксистического генезиса.

В-третьих, оно устанавливает новый тип отношений между деонтическими операторами и когнитивными процессами: эпистемические нормы регулируют не сами убеждения, а условия их возникновения и поддержания.

Выделяются различные формы такого контроля, которые обеспечивают основания для доксистической ответственности.

1. Регулирование когнитивного внимания и его направленности. Субъект обладает значительной степенью контроля над фокусом своего внимания, что влияет на формирование убеждений. Решения о том, какие свидетельства рассматривать, каким аспектам проблемы уделять большее внимание, определяют траекторию формирования убеждений. Регулирование когнитивного внимания представляет собой фундаментальную форму косвенного доксистического контроля, поскольку направленность внимания выступает селективным механизмом, определяющим, какие именно свидетельства будут учтены при формировании убеждения. Данная форма косвенного контроля имеет несколько измерений, классе которые выделяются следующие:

- селективность, а именно - способность субъекта избирательно направлять внимание на определенные аспекты познавательной ситуации, игнорируя другие;
- интенсивность как способность субъекта регулировать степень интенсивности когнитивного внимания, уделяемого различным свидетельствам;

- длительность, т.е. способность субъекта определять продолжительность рассмотрения различных свидетельств;
- последовательность, а именно - способность субъекта определять порядок рассмотрения различных свидетельств.

2. *Отложенное суждение и практика эпистемической сдержанности.* Субъект может воздержаться от признания истинности некоторого положения, признания, которое сопряжено с возникновением уверенности, при недостаточности свидетельств (в спектр возможностей, которыми очерчивается горизонт свободы доксистических решений, входят: приостановка суждения в ситуации неопределенности, калибровка уверенности соответственно доступным свидетельствам, признание границ собственной компетенции, дифференцированное отношение к вероятности различных гипотез).

3. *Метакогнитивный мониторинг и коррекция.* Особо важным элементом косвенного контроля является метакогнитивная деятельность: регулярная ревизия оснований собственных убеждений, отслеживание и устранение когнитивных искажений, критическая оценка надежности собственных когнитивных механизмов, рефлексивное осознание факторов, влияющих на формирование убеждений. Данная форма контроля напрямую соотносится с условием «собственности механизма формирования убеждений», выделяемым в рамках компатибилистского решения проблемы доксистической ответственности, поскольку предполагает активное отношение субъекта к своим познавательным процессам. Метакогнитивный мониторинг выступает не просто как один из способов контроля, но как особая модальность когнитивного самоотношения, в которой субъект конституирует себя именно как эпистемического агента. Через эту деятельность обеспечивается переход от пассивного претерпевания когнитивных процессов к активному участию в их структурировании и оценке их результатов.

Косвенное влияние на убеждения и деривативная эпистемическая ответственность

Позиция, теоретически когерентная этой линии анализа, выражена в работах Рика Пилса.

Р.Пилс предлагает концепцию деривативной ответственности: субъект ответственен за убеждения не в силу прямого контроля, а через регулирование условий и управление факторами их формирования. Деонтологическая концепция эпистемического обоснования, реконструированная Пилсом через понятие интеллектуальных обязательств, позволяет преодолеть традиционную дихотомию между признанием психологической невозможности произвольного формирования убеждений и необходимостью атрибуции эпистемической ответственности, - этот теоретический синтез достигается посредством различения *прямого доксистического контроля* и косвенного доксистического *влияния*. Пилс утверждает, что наша ответственность за убеждения является *деривативной*, а не оригинальной, поскольку мы ответственны за наши убеждения не в силу непосредственного контроля над ними, а в силу релевантного отношения между убеждениями и факторами, влияющими на их формирование, *над которыми мы действительно имеем контроль*: «мы можем влиять на свои убеждения, совершая такие действия, направленные на их изменение, как сбор доказательств, работа над своими интеллектуальными добродетелями и пороками, а также улучшение функционирования наших когнитивных механизмов. [Peels, 2016, 2896].

Концепция деривативной ответственности, предложенная Р. Пилсом, имеет значимые эпистемологические импликации, переопределяющие отношения между субъектом и его доккастическими состояниями.

Во-первых, различение прямого доккастического контроля и косвенного доккастического влияния переносит акцент с результативного на процессуальный аспект познания, что позволяет интегрировать в деонтологическую концепцию процессуальный подход к обоснованию, который традиционно ассоциировался с экстерналистскими теориями. Деривативная ответственность устанавливает концептуальную связь между надежностью когнитивных процессов и нормативными требованиями к познающему субъекту.

Во-вторых, концепция деривативной ответственности предполагает многоуровневую модель эпистемической оценки: на первичном уровне оценивается соответствие убеждения стандартам истинности и рациональности; на вторичном — качество процессов, приведших к его формированию; на третичном — степень ответственности субъекта за эти процессы, — такая многоуровневая модель позволяет согласовать натуралистический и нормативный подходы к эпистемологии.

Таким образом, концепция деривативной ответственности за убеждения представляет собой теоретически когерентную и интуитивно убедительную альтернативу как традиционному волюнтаризму в отношении убеждений, так и детерминистскому отрицанию эпистемической ответственности, что подтверждает эпистемологическую состоятельность деонтологического подхода к обоснованию.

Н. Ноттельман: «Паскалиализм свойств убеждений»

Рассматривая условия деонтологически адекватной контролируемости убеждений, Н. Ноттельман специально выделяет такую категорию контроля как *косвенный генетический контроль*, направленный на *свойства убеждений* («Паскалиализм Свойств») [Nottelmann, 2007, 169-175]. Опираясь на идеи Корнблита и Хейла и восполняя их анализом модельных ситуаций, Ноттельман показывает, в каких формах нормальный агент может на деле осуществлять некоторую меру косвенного контроля над своими убеждениями, которая достаточна для утверждения эпистемической ответственности. Так, выделяются четыре категории действий, различаемые по тому влиянию, которое они оказывают на условия формирования убеждений, соответствующих стандартам эпистемического качества [Nottelmann, 2007, 172].:

- Действия, влияющие на когнитивные диспозиции (CD);
- Действия, влияющие на процессы мышления (RP);
- Действия, влияющие на работу с информацией (IG);
- Действия, влияющие на когнитивно-ситуативные условия (CS).

(CD) Данная форма контроля предполагает воздействие агента на когнитивные диспозиции, определяющие процесс формирования убеждений [Nottelmann, 2007, 172-173]. Речь идет о способности предотвращать эпистемически нежелательные свойства убеждений (например, ненадежность, необоснованность) через управление условиями их генезиса. Агент может целенаправленно развивать автоматизированные механизмы критической рефлексии, например, путем образования или самообразования, что способствует формированию убеждений, соответствующих критериям адекватной аргументации и рациональной обоснованности.

(RP) Данная форма контроля предполагает, что субъект способен оказывать должное влияние на процессы мышления [Nottelmann, 2007, 173]. Сообразно этой способности определяется спектр обязательств, в состав которых входит:

- целенаправленная когнитивная рефлексия, что подразумевает, что агент обязан активно участвовать в структурированном процессе рассуждения, исключая поверхностное или импульсивное принятие убеждений (систематический анализ имеющихся убеждений, проверка их логической связности, выявление скрытых предпосылок, чтобы избежать противоречий);
- нейтрализация эмоциональных искажений: агент должен минимизировать влияние эмоций на рациональную оценку (осознанное отделение аффективных реакций от анализа доказательств, фокусировка на релевантных эпистемических критериях);
- проверка инферециальной валидности: ответственность требует верификации логических связей между убеждениями (если агент игнорирует противоречия между новыми и существующими убеждениями, это свидетельствует об эпистемической халатности и недостаточном когнитивном прилежании - отказе от углубленного анализа при наличии ресурсов для его проведения);
- проактивное управление процессом: даже при отсутствии прямого контроля над содержанием убеждений, агент ответственен за выбор методов рассуждения (например, применение дедуктивных стратегий вместо интуитивных догадок), а также за распределение когнитивных ресурсов (например, выделение времени на проверку аргументов).

(IG) Агент может влиять на качество убеждений, регулируя сбор, фильтрацию и оценку релевантной информации [Nottelmann, 2007, 174]. По аналогии с тезисами У. Олстона, действия, направленные на минимизацию когнитивных искажений (например, проверка достоверности источников, устранение эмоциональных помех), становятся обязательным условием эпистемической ответственности.

(CS) Косвенный контроль распространяется и на выбор контекста, в котором формируются убеждения. Агент, осознающий уязвимость своих когнитивных процессов в определенных условиях (например, в эмоционально заряженных ситуациях), обязан минимизировать риски попадания в подобные ситуации.

Исходя из представления о деонтологической адекватности различных форм косвенного контроля свойств убеждений, Ноттельман определяет условия вменения ответственности. Так, агент является виновным в поддержании убеждений ненадлежащего качества, т.е. нарушающим требование интеллектуальной безупречности, при наличии следующих условий:

(1) эпистемическая нежелательность: убеждение в том, что p , обладает свойствами, делающими его эпистемически нежелательным;

(2) косвенный каузальный вклад: агент, используя доступные средства косвенного влияния на реализацию этих свойств, способствовал возникновению его эпистемической нежелательности;

(3) отсутствие уважительных причин: у агента отсутствуют приемлемые оправдания для указанных действий/бездействий [Nottelmann, 2007, 170].

Таким образом, ответственность агента за качество убеждений определяется его способностью опосредованно влиять на когнитивные диспозиции, информационные процессы, ситуативный контекст и упреждающие механизмы. Деонтическая оценка становится возможной

лишь в случаях, когда агент, обладая доступными средствами контроля, не использовал их надлежащим образом, что привело к формированию эпистемически дефектных убеждений.

Различные формы косвенного контроля предполагают разные уровни и критерии оценки доксистических состояний. В перспективе развития деонтологически ориентированных эпистемологических программ актуальной задачей является разработка многоуровневой модели, которая позволила бы более дифференцированно подходить к вопросам эпистемической нормативности, учитывая сложность и многомерность познавательных процессов. Например, регулирование когнитивного внимания оценивается по критериям релевантности и полноты, тогда как метакогнитивный мониторинг — по критериям точности и систематичности. Косвенный контроль над процессами формирования убеждений позволяет соединить их деонтологическую оценку (основанную на соблюдении эпистемических обязательств) с такими критериями, которые учитывают способность субъекта в порядке культивирования убеждений исходить из имеющихся знаний или обоснованных представлений о ситуативной адекватности и надежности когнитивных процессов, однако вопрос о критериях обоснованности таких представлений требует эпистемологического решения, независимого от нормативных импликаций деонтологической концепции обоснования.

Рассмотренные подходы к косвенному контролю над убеждениями позволяют преодолеть классическую дилемму доксистического волюнтаризма, согласно которой (а) эпистемическая ответственность предполагает контроль над убеждениями, но (b) убеждения не подлежат прямому волевому контролю, следовательно, (c) утверждение эпистемической ответственности безосновательно. Концепции косвенного контроля показывают, что из невозможности прямого волевого контроля над убеждениями не следует невозможность эпистемической ответственности, поскольку такая ответственность может основываться на иных формах контроля, не требующих произвольного выбора убеждений. Это достижение имеет фундаментальное значение для деонтологической концепции обоснования, поскольку оно защищает ее от самого серьезного концептуального возражения и показывает совместимость деонтологической нормативности с психологическим реализмом.

Диахронический подход и рефлексивно-оценочный акцептуализм

Критика доксистического волюнтаризма часто абстрагируется от долгосрочных когнитивных процессов (диахронической деятельности), фокусируясь на моментах спонтанного формирования убеждений. Однако деонтологическая концепция учитывает роль метасознания, планирования, систематического исследования и критики, которые растянуты во времени и требуют сознательных усилий. Это позволяет говорить об ответственности за процесс формирования убеждений, даже если их фиксация кажется автоматической. Даже если многие убеждения формируются автоматически, деонтологическая ответственность сохраняется благодаря способности субъекта ретроспективно оценивать их, пересматривать и корректировать.

В контексте реконструкции условий формирования дискурсивного знания некоторые эпистемологи, работающие над проблемой обоснования в парадигме интернализма, проводят различие между *убеждением* как формой субъективной уверенности в истинности некоторого положения, которая подчас возникает автоматически (как это происходит, например, в случае формирования перцептуальных убеждений), и фиксированием пропозиционального

содержания убеждений в доксистической формации посредством акта рационального *принятия*, который является по сути формой действия рефлексивно-оценочной системы: «Убеждения возникают в нас без нашего желания, а иногда и против нашей воли. Мы можем негативно оценивать такие убеждения, даже объявлять их иррациональными - как в себе, так и в других, но они всё равно могут сохраняться. Тем не менее, мы можем отказываться принимать то, во что верим, или даже принимать противоположное, что приводит к отказу действовать или рассуждать, опираясь на это убеждение. Принятие - это состояние метауровня, играющее роль в действиях, рассуждениях и принятии решений; оно обычно возникает в результате позитивной оценки убеждения, но в некоторых случаях может взять верх над состоянием первого порядка» [Lehrer, 2000, 640]. Задействие рефлексивно-оценочной системы, которую К.Лерер относит к метауровню по отношению к «сознанию первого порядка», можно рассматривать как эффективную форму реализации косвенного контроля над содержанием доксистических установок, если учесть, что акт рационального принятия также является, с одной стороны, феноменологически отличным от исходных убеждений (хотя и не всегда различимым с ними), а с другой - конститутивным в отношении тех убеждений, которые субъект решает поддерживать, поскольку для этих убеждений есть разумные основания, в реакции на которые достигается определенная степень *уверенности* в истинности принимаемых положений.

Заключение

Анализ теоретических позиций и аргументов, направленных против критики доксистического волюнтаризма, позволил оценить конструктивный потенциал, выделить некоторые проблемные аспекты и определить достоинства наиболее влиятельных стратегий защиты деонтологической концепции обоснования, каждая из которых вносит существенный вклад в иммунизацию этой концепции от возражений, которые фокусируются на демонстрации несостоятельности её волюнтаристских импликаций, индуцируя сомнение в том, что принципу ответственности субъекта познания можно придать положительный эпистемологический смысл.

Во-первых, стратегия деконструкции радикального волюнтаристского допущения демонстрирует, что доказательства концептуальной амбивалентности доксистического волюнтаризма (аргументы Б.Уильямса) и демонстрация психологической невозможности произвольного формирования убеждений (аргументы У. Олстона), обладают рядом концептуальных дефектов, следуют гносеологически-редукционистским схемам («радикальный волюнтаризм и субъективизм - когнитивный детерминизм и пассивность») и, в конце концов, не достигают своей основной цели. Основной контраргумент состоит в том, что установление ответственности в рамках деонтологического обоснования не требует способности к прямому интенциональному конструированию убеждений *ex nihilo*, но предполагает более сложные формы агентного участия в когнитивных процессах, посредством которых эти убеждения формируются, усваиваются, трансформируются или отбрасываются, что отражено в ряде подходов к решению проблемы эпистемической ответственности, аналитическая экспозиция которых дана в настоящей работе.

Во-вторых, компатибилистский подход, развиваемый в работах М. Стиапа, Ш.Райан, М. МакКормик и К. МакХью, представляет методологическую основу и обеспечивает концептуальные ресурсы для переосмысления самой природы доксистической ответственности

через эпистемологически адаптированную теорию руководящего контроля. Экстраполируя принципы морального компатибилизма (Г. Франкфурт, Дж. Фишер) в эпистемическую сферу, данный подход доказывает совместимость эвиденциально-детерминистической архитектуры когнитивных процессов с деонтической нормативностью через выполнение двух конститутивных условий: 1) систематической чувствительности механизмов формирования убеждений к свидетельствам и контрафактической зависимости от вариативности эвиденциальных факторов; 2) «собственности» когнитивных механизмов - признания субъектом этих процессов как интегральной части своей агентной идентичности и готовности нести историческую ответственность за их результаты. Аргумент Стиапа *reductio ad absurdum* демонстрирует логическую несовместимость докстастического инволонтаризма с компатибилистскими основаниями: отрицание контроля над рациональными убеждениями, обладающими «добротной» каузальной предысторией, неизбежно ведет к абсурдному приписыванию патологичности нормальным когнитивным функциям. Концепция МакКормик дополняет эту модель, показывая, как рефлексивный мониторинг и коррекция результатов работы когнитивных механизмов позволяют атрибутировать ответственность даже за спонтанные убеждения, формируемые посредством процессов Ex-типа (например, перцептивные, мнемические) через их интеграцию в агентскую идентичность и готовность к диахронической верификации. Автономия эпистемической нормативности, обоснованная Стиапом через плюрализм модусов контроля, подчеркивает несводимость оценки докстастических состояний к практическим или моральным критериям. Выявленные апории компатибилистского подхода, однако, указывают на ограниченность его концептуальных оснований и методологических принципов. В частности, феноменологическая природа докстастической агентности и проблема иллюзорности переживания контроля представляют собой значительные вызовы для компатибилистских моделей. Дилемма Стиапа, связанная с избыточностью волевого решения и разрывом между волюнтаристическими и эпистемическими факторами, указывает на необходимость более строгого обоснования каузальной роли решения в генезисе убеждений. Операционализация отзывчивости к разумным причинам убеждений для значительного класса процессов, посредством которых эти убеждения вырабатываются, колеблется между риском механистической редукции (элиминирующей сознательное признание оснований) и гипертрофированной рефлексивностью (делающей невозможной ответственность за спонтанные убеждения), что указывает на необходимость критической перестройки концепции руководящего контроля как условия утверждения ответственности субъекта за убеждения. Преодоление этих апорий требует разработки дифференцированной многоуровневой нормативной модели, уточняющей баланс имплицитной реактивности и эксплицитной рефлексии, а также синтезирующей эпистемическое должествование с метафизикой когнитивной спонтанности.

В-третьих, теория косвенного контроля, направленного на формирование убеждений, отвечающих стандартам эпистемического качества, существенно расширяет понимание условий познавательно целесообразного менеджмента докстастических установок. Концепция генетической ответственности Р. Ауди переносит фокус ответственности с *результата* (истинность/ обоснованность убеждения) на *управляемые аспекты процесса его формирования*, тем самым решая центральную проблему деонтологии — отсутствие непосредственного контроля над самим убеждением. Несмотря на то, что релевантность концепции генетической ответственности условиям деонтологического обоснования убеждений является предметом

критического обсуждения в современной эпистемологии, эта концепция обладает рядом преимуществ, которые позволяют нейтрализовать негативные для деонтологического проекта эффекты критики доксистического волюнтаризма:

- процессуальная ориентация (соблюдение процедур формирования) позволяет оценивать эпистемическую добросовестность субъекта независимо от итоговой истинности, что снимает противоречие между деонтологическими нормами и случайностью достижения истины;
- диахронический подход расширяет ответственность на всю временную протяженность генезиса убеждения - от сбора свидетельств до рефлексивной коррекции, - признавая агентность в управлении *кумулятивными* факторами (вниманием, интерпретацией, пересмотром);
- переопределение регулятивных отношений связывает деонтические нормы не с самими убеждениями, а с *подконтрольными когнитивными практиками*.

Парадигматически значимыми примерами развития и применения принципов этого подхода являются теория деривативной эпистемической ответственности Р. Пилса, в рамках которой доказывается эффективность доступных субъекту способов косвенного влияния на условия формирования убеждений (поиск и обработка свидетельств, работа над своими интеллектуальными добродетелями, а также улучшение функционирования когнитивных механизмов), а также многоуровневая модель Н.Ноттельмана, в которой обосновывается деонтологическая релевантность косвенного контроля, нацеленного на повышение объективной вероятности усвоения убеждений, отвечающих стандартам эпистемического качества, и выделяются четыре ключевых направления осуществления такого контроля: регулирование когнитивных диспозиций, управление процессами мышления, работа с информационными потоками и контроль когнитивно-ситуативных условий. Модель деривативно-преднамеренного усвоения убеждений, которую я ранее представил в одной из своих работ, феноменологически модифицирует этот подход, реинтерпретируя интенциональность как косвенную процедурную активность, сосредоточенную на управлении процессами обоснования (формулировка гипотез, выбор методов верификации, интерпретация данных), а не на прямом выборе пропозиционального содержания. Эта модель, основанная на эпистемической осмысленности намерения, гипотетико-диспозициональной природе целевого убеждения и редукции намерения к достижению уверенности через нормированные процедуры, снимает возражения Б.Уильямса о самопроверяемости волюнтаризма и развивает идею интеллектуальной агентности Р. Локки.

В-четвертых, диахронический подход и рефлексивно-оценочный акцептуализм акцентируют темпоральную протяженность эпистемической ответственности, преодолевая синхронический фокус инволюнтаристов на спонтанности формирования убеждений. Эпистемические обязательства реализуются не только в момент генезиса доксистического состояния, но и в долгосрочных практиках метакогнитивного мониторинга, ретроспективной оценки, рационального акцептуализма (сознательного принятия или непринятия спонтанно возникших убеждений на метауровне через их критическую верификацию) и систематической коррекции системы убеждений. Концепция Лерера разводит автоматическое возникновение убеждения и его рациональное усвоение через акт рефлексивной оценки, что позволяет вменить ответственность за спонтанные состояния при условии сохранения способности к их диахронической ревизии. Генетическая ответственность имманентно включает обязательства

по поддержанию когерентности, устранению выявленных дефектов и учету новых свидетельств, трансформируясь из атрибута отдельного убеждения в характеристику агентного самоопределения во времени, опосредованного социальными практиками и самообразованием.

Синтетический эффект этих стратегий воплощается в построении многоуровневой процессуально-рефлексивной модели докстической агентности, преодолевающей традиционные дихотомии эпистемологической теории. Данная модель отличается следующими аспектами:

- *многоуровневость*, предполагающая интеграцию базовой чувствительности к основаниям, метакогнитивного управления процессами и диахронической рефлексивной коррекции убеждений;
- *процессуальность*: смещение нормативного фокуса с результата (убеждение-состояние) на генетически-деятельностную систематику и нормированные процедуры формирования и поддержания убеждений;
- *рефлексивность*: конституирование ядра ответственности через рефлексивное самоотношение субъекта к докстически-продуктивным процессам, выражающееся в феноменологии агентности, включая историческое принятие ответственности за результаты работы собственных когнитивных механизмов;
- *совместимость*: признание эвиденциальной детерминации совместимой с деонтической нормативностью через механизмы респонсивности к основаниям и косвенного контроля эпистемического качества докстических установок.

Таким образом, системная защита деонтологической концепции от критики докстического волюнтаризма достигается не через отрицание ограничений прямого контроля, а через разработку более тонких и адекватных моделей агентности, сочетающих элементы компатибилизма, теорий косвенного контроля и диахронического подхода. Это позволяет сохранить нормативное ядро деонтологической теории, одновременно признавая сложную, опосредованную природу нашего влияния на собственные докстические состояния.

Библиография

1. Галухин А. В. Апории компатибилистского решения проблемы докстической ответственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 7А. С. 5–32.
2. Галухин А. В. Эпистемологически адекватные условия преднамеренного усвоения убеждений // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 14–120.
3. Галухин А. В. Гносеологические изъяны критики докстического волюнтаризма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 1А. С. 3–28.
4. Alston, William P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2. Epistemology. Pp. 257–299.
5. Audi, Robert. The Ethics of Belief: Doxastic Self-Control and Intellectual Virtue // *Synthese*. 2008. Vol. 161, № 3. Epistemic Deontology (Apr., 2008). Pp. 403–418.
6. Govier, T. Belief, Values, and the Will // *Dialogue*. 1976. Vol. 15. Pp. 642–663.
7. Lehrer, Keith. Discursive Knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60, № 3 (May, 2000). Pp. 637–653.
8. Lockie, Robert. Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom. New York: Bloomsbury Academic, 2018. 303 p.
9. McCormick, M. Taking Control of Belief // *Philosophical Explorations*. 2011. Vol. 14, № 2. Pp. 169–183.
10. McHugh, C. Epistemic responsibility and doxastic agency // *Philosophical Issues*. 2013. Vol. 23, № 1. Pp. 132–157.
11. Nottelmann, Nikolaj. Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology. Dordrecht: Springer, 2007. 278 p.
12. Peels, Rik. Against Doxastic Compatibilism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2013. Vol. 89, № 3. Pp. 679–702.

-
13. Peels, Rik. Responsible belief and epistemic justification // *Synthese*. 2016. Vol. 194. Pp. 2895–2915.
 14. Robitzsch, Andrea. An Externalist Approach to Epistemic Responsibility. *Intellectual Norms and their Application to Epistemic Peer Disagreement*. Synthese Library. Vol. 411. Cham: Springer, 2019. 227 p.
 15. Steup, Matthias. Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2012. Pp. 461–485.
 16. Williams, Bernard. Deciding to Believe // In: Williams, Bernard. *Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Pp. 136–151. 267 p.

Justification of the Subject's Epistemic Responsibility in Light of the Critique of Doxastic Voluntarism as a Problem of Contemporary Epistemology

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The notion that the criterion for the justification of beliefs is derived from the subject's responsible fulfillment of intellectual obligations, as defined by a system of epistemic norms, is a theoretical foundation of the deontological conception of justification. One of the tools for critiquing this concept, which has its roots in classical epistemology, is the arguments against doxastic voluntarism: demonstrating the conceptual and/or psychological impossibility of effective control over doxastic attitudes undermines the principle of the epistemic responsibility of the cognitive subject, rendering the application of deontic-evaluative categories in the context of belief justification meaningless. The article provides a critical analysis of the arguments of B. Williams, who asserted the conceptual impossibility of voluntarily forming beliefs due to their teleological orientation toward truth, and W. Alston, who argued for the psychological unfeasibility of direct control over doxastic attitudes. Conceptual flaws and aporias in the development of these lines of argumentation are identified, including the unjustified identification of voluntariness with the disregard of truth indicators, the reduction of beliefs to bivalent propositions coupled with the exclusion of gradations of belief, the conflation of conceptual and practical impossibility, the underestimation of indirect control and derivative responsibility, and the relativization of the principle of diachronic agency. Overall, this demonstrates the reductivist nature of the critique, which reduces the complex phenomenon of epistemic freedom to a false dichotomy between radical arbitrariness and the passivity of the cognitive subject. An exposition of alternative strategies for rehabilitating the principle of the subject's epistemic responsibility is provided: the deconstruction of radical voluntarism, which denies the necessity of direct control over belief content for their deontic-normative evaluation; the compatibilist approach, expressed in the development of the concept of guidance control, which affirms the subject's responsibility based on the ownership of

cognitive mechanisms and responsiveness to rational grounds; the theory of genetic responsibility and indirect control, encompassing metacognitive practices and the management of belief properties; and diachronic actualism, emphasizing retrospective reflection and rational acceptance coupled with the development of beliefs of appropriate quality. Each strategy is analyzed in terms of its epistemological implications, methodological limitations, and explanatory potential. The position that evidential determination of beliefs is compatible with their deontic evaluability is justified. The conditions for a comprehensive rehabilitation of the principle of the subject's epistemically normative responsibility for beliefs lie in a synthetic model of cognitive agency that integrates sensitivity to rational grounds, metacognitive monitoring, and diachronic belief correction. This model implies a shift from classical voluntarism to a multi-level understanding of cognitive agency, taking into account the temporal, procedural, and reflexive aspects of the process of belief formation and assimilation, as well as the conditions for cultivating a responsible attitude toward beliefs as potential proto-elements of knowledge.

For citation

Galukhin A.V. (2025) Obosnovaniye epistemicheskoy otvetstvennosti sub'yekta s uchetom kritiki doksasticheskogo volyuntarizma kak problema sovremennoy epistemologii [Justification of the Subject's Epistemic Responsibility in Light of the Critique of Doxastic Voluntarism as a Problem of Contemporary Epistemology]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (7A), pp. 15-59.

Keywords

Normative epistemology, deontological conception of justification, belief, knowledge, ethics of belief, rational agency, intellectual obligations, epistemic norms, doxastic voluntarism, control over beliefs, epistemic responsibility, compatibilism, evidential constraints, deontic evaluation.

References

1. Alston, William P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification. *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology, pp. 257-299.
2. Audi, Robert. (2008) The Ethics of Belief: Doxastic Self-Control and Intellectual Virtue. *Synthese*, Vol. 161, No. 3, Epistemic Deontology, pp. 403-418.
3. Galukhin A.V. (2023) Aprii kompatibilistskogo resheniya problemy doksasticheskoy otvetstvennosti [Aporias of the Compatibilist Solution to the Problem of Doxastic Responsibility]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], Vol. 12, №7A, pp. 5-32.
4. Galukhin A.V. (2023) Epistemologicheski adekvatnye usloviya prednamerennogo usvoeniya ubezhdenij [Epistemologically Adequate Conditions for Deliberate Belief Acquisition]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], № 9, pp. 14-120.
5. Galukhin A.V. (2024) Gnoseologicheskie iz'yany kritiki doksasticheskogo volyuntarizma [The epistemological flaws of the criticism of doxastic voluntarism]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], Vol. 13, №1A, pp. 3-28.
6. Govier, T. (1976) Belief, Values, and the Will. *Dialogue*, Vol. 15, pp. 642-663.
7. Lehrer, Keith. (2000) Discursive Knowledge. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 60, No. 3, pp. 637-653.
8. Lockie, Robert. (2018) *Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom*. New York: Bloomsbury Academic.
9. McCormick, M. (2011) Taking Control of Belief. *Philosophical Explorations*, Vol. 14, No. 2, pp. 169-183.
10. McHugh, C. (2013) Epistemic responsibility and doxastic agency. *Philosophical Issues*, Vol. 23, No. 1, pp. 132-157.
11. Nottelmann, Nikolaj. (2007) *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology*. Dordrecht: Springer.
12. Peels, Rik. (2013) Against Doxastic Compatibilism. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 89, No. 3, pp. 679-702.
13. Peels, Rik. (2016) Responsible belief and epistemic justification. *Synthese*, Vol. 194, pp. 2895-2915.

-
14. Robitzsch, Andrea. (2019) *An Externalist Approach to Epistemic Responsibility. Intellectual Norms and their Application to Epistemic Peer Disagreement*. Synthese Library, Vol. 411. Cham: Springer.
 15. Steup, Matthias. (2012) Justification, Deontology, and Voluntary Control. In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 461-485.
 16. Williams, Bernard. (1973) Deciding to Believe. In: Williams, Bernard. *Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 136-151.